

НОВЫЕ ЧУДЕСА
ДИВНОЗЕРЬЯ

АЛАН ЧАРВИТ

Дивнозёрье

Алан Чароит

Новые чудеса Дивнозёрья

«Автор»

2022

Чароит А.

Новые чудеса Дивнозёрья / А. Чароит — «Автор»,
2022 — (Дивнозёрье)

Сборник сказочных историй. Дивнозёрье – самая обычная деревня в российской глубинке, но это только на первый взгляд. Юной ведьмочке Тайке и её волшебному другу – котосовушку по кличке Пушок – каждый день приходится сталкиваться с чудесами. Кто ещё сумеет оседлать кобылицу-зарю? Вычислить не только оборотня, но и таинственного пожирателя шоколада? Помирить сестрицу Правду с сестрицей Кривдой? И даже отыскать потерянное новогоднее настроение? У Тайки хватает забот, но она уверена: любые трудности можно преодолеть, когда рядом друзья.

Содержание

Один коловерша сказал	5
Моровая ведьма	11
С ночи до зари	17
Чем пахнет радость?	22
Посмотреть в лицо Бабая	31
Пёсье племя	37
Шоколадожорка	44
Ненастоящие сказки	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алан Чароит

Новые чудеса Дивнозёрья

Один коловерша сказал

– Пушок, ну чего ты за мной весь день хвостиком ходишь? – Тайка резко развернулась к коловерше с недомытой тарелкой в руках.

– Ась? Да я просто тут лежу, – этот лжец даже зевнул, представляете?

– А когда я в курятник ходила, ты там тоже просто лежал? И когда воду набирала, да? И когда в магазин бегала? Думаешь, я не видела, кто шуршал за мной по кустам? Опять детективом себя вообразил? Что-то расследуешь?

– Ой, не шуми! – коловерша свернулся калачиком и сделал вид, что спит.

Но Тайка слишком хорошо его знала. Обычно Пушка не дозовёшься. Только если на обед.

– Взял бы, что ли, тряпку и смахнул крошки со стола, – Тайка вытерла мокрые руки о фартук.

– У меня лапки, – быстро сказал коловерша, заползая под диван.

– У всех сейчас лапки, – вздохнула Тайка. – Жизнь такая. Пушок, ну что происходит, а?

Под диваном воцарилась тишина, коловерша даже прекратил возиться и шуршать. Только два жёлтых глаза светились из темноты.

Ну конечно, как по дому помогать – так его сразу нет. В другое время она бы махнула рукой и продолжила мыть посуду, но сейчас сердце отчего-то было не на месте. Точно ведь что-то случилось. И вообще, обидно. Вроде раньше у них не было секретов друг от друга.

– Так, – она звякнула тарелкой о раковину. – Ты мне друг или бесполезная зверушка?

– Конечно, друг, – возмущённо прошипели из-под дивана.

– Тогда выкладывай.

– Ничего не случилось, – коловерша соизволил-таки высунуть рыжую морду. – Просто мне скучно. Давай поиграем? Или киношку какую посмотрим? Мы давно не проводили время вместе.

«Конечно, не проводили, – хотела сказать Тайка, – ты же всё время со своими дикими коловершами летаешь», – но прикусила язык. Вместо этого кивнула:

– Ладно, давай посмотрим.

Она так и не добилась ничего от Пушка этим вечером. Даже в обмен на мятные пряники. Коловерша отнекивался и молчал как партизан.

А ближе к ночи, перед тем как лечь спать, Тайка подошла к окну, чтобы задёрнуть шторы, – и обомлела. На вишнях, что росли прямо у дома, сидели дикие коловерши. Пятерых она заметила сразу, но, судя по шевелению в ветвях, их было больше. Погода стояла безветренная, а листья всё равно колыхались.

Глаза ночных гостей светились в темноте. Ещё и моргали синхронно, бр-р-р! У Тайки мороз по коже пробежал. Она распахнула створки и выкрикнула в ночь:

– Это что ещё такое? Следите за мной? А ну признавайтесь, зачем пожаловали?

Коловерши несколько раз моргнули, будто не веря, что их заметили, а потом разлетелись, не издав ни звука.

Весь сон как рукой сняло, и Тайка пошла расталкивать Пушка.

Странно, но рыжего оболтуса не оказалось ни на печке, где он любил дрыхнуть, ни на диване среди мягких подушек и пледиков, где он частенько вил «гнездо».

Накинув куртку поверх пижамы, Тайка осторожно вышла на крыльцо. Свет включать не стала (но фонарик на всякий случай прихватила), дверь тоже постаралась не хлопнуть и даже

по скрипучим ступенькам сошла бесшумно. Мысленно она успокаивала себя: так, это родной сад. В нём оберегов – больше, чем игрушек на новогодней ёлке. А коловерши – шебутной народец. Наверняка это просто какая-то шутка. Может, Пушок сейчас выпрыгнет из бочки с криком: «Сюрприз!» С него станется...

Пушка она вскоре увидела. Только не возле бочки, а на скамейке под яблоней. Он важно расхаживал взад-вперёд по дощатой спинке и шёпотом журил трёх коловершей, которые внимали ему с земли.

– Вы что, совсем дурачки? Я же сказал: это тайная операция!

– Так мы тихо сидели, босс, – пискнул самый толстый коловерша.

Где-то Тайка его уже видела... О, никак это Жорка-обжорка? Тот самый, который однажды пробрался на склад деревенского магазина и притворился полтергейстом. Ну-ну, старый знакомый.

От сердца немного отлегло.

– И вообще мы были невидимы, – фыркнула чёрно-белая коловерша. Кажется, Ночка? Отсюда не разглядеть. Но да, очень похожа на пассиву Пушка.

Тайка окончательно уверилась в своём предположении, когда эти двое сцепились:

– Ну и что? Она же ведьма. Значит, может видеть всё незримое. А вы ещё глазами лупали, как семафоры.

– Сам ты семафор!

– Я тебе не семафор, а руководитель тайной операции.

– Тогда задания давай нормальные, а не «проследите за моей ведьмой, пока я сплю», – Ночка вздыбила шерсть на загривке, а Жорка вдруг вспомнил:

– Кстати, а когда будет печенье? Ты ж обещал щедрую оплату, босс!

– Не заработали! – рявкнул Пушок.

– Хочу заметить, леди и джентльмены, что, пока мы тут пререкаемся, ведьма осталась одна без присмотра, – промурлыкал незнакомый третий коловерша.

Он старался держаться в тени под лавкой, но тут из-за тучи вышла луна, и Тайка чуть не ахнула, разглядев не только остроухую мордашку, но и голый хвост, а также полное отсутствие шерсти и перьев на теле. Она-то думала, что лысые коловерши – это так, шуточки, а они вона – существуют. Ух ты! Ещё и крылья у них кожаные, как у летучей мыши!

Из всей компании коловерша-сфинкс выглядел самым умным. Ему только очков не хватало – вообще профессор бы получился. Поэтому Тайка, вышагнув из своего укрытия, обратилась именно к нему, а не к балбесу Пушку. А то ишь ты – босс, авторитет пернатый.

– Эй! Может, и мне расскажете, зачем за ведьмой присматривать? Она уже большая девочка, себя в обиду не даст.

– Ой, палево! – пискнул Жорка, пяясь. – Ребята, ходу!

– Ни с места! – Тайка включила фонарик. – Вы арестованы. Лапы за голову!

Она выпалила первое, что пришло на ум, но Жорка в самом деле попытался встать во фронт и поднять лапки. Внушительная филейная часть тут же перевесила, и коловерша, шлёпнувшись за хвост, заголосил:

– Не виноватые мы! Это всё Пушок. И Веник.

– Какой ещё веник? – не поняла Тайка.

И тут лысый чинно поклонился:

– Позвольте представиться, Вениамин. Мы, кажется, раньше не встречались. Но премного наслышан. Вы, наверное, не в курсе, но ранее я просил уважаемого Пушка составить мне протекцию. Но он отказал. Сказал, мол, все вакансии заняты.

«Уважаемый Пушок» сидел нахохлившись и происходящее никак не комментировал.

– Какие ещё вакансии? – Тайка захлопала глазами.

– Фамилиара, разумеется, – Вениамин улыбнулся. На его морщинистой физиономии улыбка выглядела как оскал. – У всякой уважающей себя ведьмы должен быть фамилиар. Если после всего случившегося вы подыскиваете замену, то я – к вашим услугам.

– Ах ты крокодил лысый! – ахнул Пушок. – Я его... а он... змеюку на груди пригрел. Подколодную!

– Мне фамилиары не нужны, у меня друг есть, – Тайка улыбнулась ему ободряюще.

Пушок, конечно, порой, чудит. И жрёт всё, что не приколочено, – ну просто пылесос какой-то, а не коловерша. Но сколько раз он ей помогал? И не сосчитаешь.

– Ха! Я вообще-то пошутил, – Вениамин пожал острыми плечами. – На самом деле у меня уже есть своя ведьма в Михайловке. Но если однажды...

– Никаких «однажды»! – перебила его Тайка. – Я друзьями не разбрасываюсь.

Пушок перепорхнул на её плечо и гордо воззрился на Веника. Мол, накося выкуси. Тайка лишь на мгновение отвела взгляд, чтобы передвинуть острый коготь, впившийся ей в основание шеи, а дикие коловерши – оп – и разлетелись. На земле остались только следы, очень похожие на совиные.

– Давай уж теперь колись, босс. Что ты тут устроил?

– Ой, всё... – коловерша по обыкновению закатил глаза, пытаясь изобразить обморок.

Но Тайка хорошо знала все его уловки, поэтому не поверила.

– Не бойся, я не буду ругаться, – она почесала Пушка за ушком. – Помнишь, тебе нельзя нервничать. От этого перья выпадают. Облысеешь весь – станешь как Веник.

– Кошечки упаси! – Пушок икнул.

– Рассказывай, от кого ты меня собрался защищать?

– От беды немину-у-учей, – провыл коловерша страшным голосом. Его лапы дрожали.

Ладно. Уже что-то.

– А можно подробнее? С чего ты взял, что мне что-то угрожает?

– Веник сказал.

– И ты ему поверил?

– Вообще-то, он довольно точно предсказывает. Сказал – с Алёнкой беда случится. И, помнишь, она потом упала и руку сломала. Деду Фёдору тоже напроорочил, и его на следующий же вечер на скорой увезли. А теперь вот и про тебя-а-а...

Тайка помассировала переносицу, размышляя. Может, это было совпадение, а может, и нет. Как узнать?

– Итак, что мы имеем: информация у нас досадная, но непроверенная. Прямо скажем, уровень доверия – агентство ОКС.

– Что за ОКС? – вытаращился Пушок.

– «Один коловерша сказал», – Тайка фыркнула, и Пушок тоже улыбнулся, но потом снова заволновался:

– А вдруг ты в кикиморин след вступила и не заметила?

– Не было такого.

– А вдруг...

– Никаких «вдруг», Пушок. Допустим даже, Вениамин предсказывает невезуху. Но сам посмотри – ничего смертельного не произошло. Рука у Алёнки быстро срослась. Там не перелом был, а небольшая трещина. Да и деда Фёдора давно выписали... Эх, жалко, наш лысик уже улетел. Мы бы его сейчас допросили с пристрастием, откуда он такие пророчества взял.

– Это я и так тебе скажу, – вздохнул Пушок. – От своей хозяйки из Михайловки. Помнишь, он сказал, мол, ведьму себе нашёл. Есть там такая баба Капа.

– И что, она правда ведьма?

– Ну, так говорят. Вроде чирьи заговаривать умеет, порчу снимает, на воду шепчет, чтобы хвори всякие лечить, на картах гадаёт ещё.

– Ага, то есть теперь источник информации у нас не ОКС, а ОБС, – Тайка хихикнула, и Пушок, оценив шутку, захлопал крыльями.

– «Одна бабка сказала», да?

– Именно, – Тайка радовалась, что коловерша постепенно успокаивается и больше не трясётся, как осиновый лист на ветру. – Веник этот ваш – очень себе на уме. Ты не думал, что он мог нарочно всё это устроить, чтобы выставить тебя дурачком?

– И чтобы ты взяла его вместо меня! – Пушок хлопнул себя крылом по лбу. – Какое коварство! И как я сразу не догадался...

Голос его всё ещё звучал не очень уверенно, и Тайка предложила:

– Ну хочешь, сгоняю с утра к этой бабе Капе? Если там и правда порча какая-то, которую я не вижу, сразу на месте снимем.

– Отличная идея. Я пойду с тобой! – Пушок обнял её крыльями. – Ты прости, что сразу не рассказал. Я не хотел, чтобы ты волновалась. Мыр?

* * *

До Михайловки они быстро домчались на велике. Местные мальчишки указали Тайке на домик бабы Капы. Обычный такой – с давно не крашенными деревянными наличниками.

Но было и кое-что необычное: странные знаки на окнах, какие-то нитяные обереги и звенелки на ветвях садовых деревьев, а ещё – настоящий козлиный череп на столбе возле калитки.

– Ого! – присвистнул Пушок. – А вдруг это какая-нибудь подружка Бабы Яги?

– Не похоже. – Тайка презрительно выпятила нижнюю губу. – Не видишь разве? Никакого колдовства тут и в помине нет. Сплошное шарлатанство. Уважающая себя Яга с такой дружбу водить не станет.

Она прошагала по дорожке – подошла к крыльцу и ойкнула: баба Капа, оказывается, всё это время там стояла. Может, даже слышала, как её шарлатанкой обозвали. Как неловко вышло.

– Ты ко мне, что ль, деточка? – голос у старушки оказался под стать: старый, дребезжащий.

– Угу, – кивнула Тайка. – Здравствуйте. Мне тут посоветовали к вам обратиться...

– На жаниха погадать, что ль? – Морщинистые губы расплылись в улыбке. – Энто я могу.

– Не на жениха. Мне предсказали, что случится что-то нехорошее. Может, на мне порча? – Тайка изо всех сил старалась говорить вежливо, но бабка её раздражала. Вот после таких нормальным ведьмам и плюют след. Понавешают, понимаешь, козлов...

– Может, да, а может, и нет, – старуха поправила платочек на голове и распахнула дверь. – Заходи, деточка.

И Тайка зашла.

В доме пахло благовониями, как в китайской лавке. Внутреннее убранство напоминало декорации к дешёвому фильму: пыльные красные занавески с жёлтой бахромой, круглый столик на выгнутых ножках, синяя скатерть с вышитыми астрологическими символами, чёрные свечи, колода замусоленных карт...

Пушок вдохнул пыль и, не удержавшись, чихнул.

– Будь! – тут же откликнулась бабка.

– Спасибо, – пришлось помассировать переносицу и вытереть нос платком, чтобы старуха ничего не заподозрила.

– Ну, садись, раскинем картишки, – баба Капа вытерла руки о фартук.

– У меня это... денег нет.

– А куры несутся? Десяток яиц мне пришлешь, и хватит. С наших, деревенских, я много не беру. Это всё для городских, – старуха помусолила палец и принялась шлёпать карты на стол рубашками вниз.

Тайка знала много гаданий, но такого расклада никогда не видела. Значит, тоже лапша на уши.

– Порчи на тебе не вижу. И опасности прямо щас тоже особой нет. Вот в будущем – да. Но это будет не здесь. Уедешь куда-то далеко. Вроде, карты кажут, – к родственникам. И встретит ты там парень, о котором мысли помышляешь. Он о тебе тоже думает, но есть и соперница-разлучница. Вишь, вон она, негодница, – дама трэф? А ещё какая-то пиковая дама тебе зла желает, панимашь...

Пушок уже откровенно хихикал, и Тайке приходилось то и дело дёргать плечом, чтобы коловерша заткнулся. Баба Капа же продолжала, не обращая внимания на её подскоки:

– Парня твоего решение непростое ждёт. Будете ли вместе – непонятно. Тут ещё, вишь, король червовый маячит? Значит, какой-то государственный муж будет вам чинить препятствия. Или сам по себе является препятствием. Ты меня ещё слушаешь, ведьма?

Но Тайке уже надоела эта белиберда, и она решила сменить тему:

– А у вас котик есть?

– Как не быть, – закивала баба Капа.

– Лысый?

– Так ты на Веника пришла посмотреть? Чего сразу не сказала? А то, панимашь, «порча»... На него тут детки вечно бегают поглазеть, как на диковинку. Страшный, говорят, как чёрт, но обаятельный. Я по первости их гоняла, мол, вам тут не зоопарк. А потом перестала – мой Веник любит внимание. А коль ему по нраву, так что я, перечить буду?

Что ж, по крайней мере, тут коловерша не соврал – он действительно жил у бабы Капы.

Но ведь её не спросишь напрямую, дескать, а вы вашему коту ничего про меня не говорили? Глупо получится.

И тут Тайкин взгляд упал на тумбочку, где лежал журнал с программой телепередач. А на соседней странице – ну точно! Гороскоп! Глаза пробежали по строчкам... так-так-так.

Тайка начала догадываться, откуда лысый коловерша черпает свои предсказания. Вон, чёрным по белому написано: «Козерогов ждёт не самая удачная неделя: мелкие неприятности будут сыпаться на вас как из мешка. Возможны финансовые потери, проблемы на работе и раздоры с любимыми. Проявите благоразумие, сейчас не время для активных действий».

И кто только сочиняет эту чушь? А Веник тоже хорош – повёлся. Да на такое даже Пушок не купился бы!

– Тай, – коловерша осторожно тронул её лапкой и зафырчал на ухо. – Ты слышала? Бабка назвала тебя ведьмой. Откуда она знает?

Ой, и правда!

– А почему вы меня ведьмой зовёте? – нахмурилась Тайка, привставая.

Старуха, пожав плечами, смешала карты:

– А кем же тебя ещё называть, коли ты она и есть? Пришла такая, расселась с коловершей на плече и думает, я ничего не вижу. Ты своему рыжику скажи, чтобы он моего Веника не задира, а то проклянну, – она погрозила Пушку пальцем.

Выходит, им всё-таки встретила не шарлатанка, а самая настоящая колдунья, которая зачем-то притворяется шарлатанкой. У Тайки чуть ум за разум не зашёл, когда она стала об этом думать. Зачем такие сложности?

– Я больше не буду обижать Веника, честно-пречестно, – Пушок ткнулся носом ей в ухо. – Просто бесит он меня. Наглый, городской... ладно, бывший городской. Так ещё и умничает! Знаешь, как у меня лапы чешутся проучить Веника за эту шуточку с гороскопом.

– Нельзя. Ты же обещал. Или хочешь, чтобы баба Капа тебя прокляла?

– Не хочу. Просто злюсь, – вздохнул Пушок. – Я же на самом деле за тебя перепугался.

Тайка пригладила встопортившийся хохолок на его голове:

– Ну-ну, главное, что никакой беды нет.

– А в будущем? Помнишь, что карты сказали? Если бабка не шарлатанка, значит, всё правда! А-а-а! Кто эта пиковая дама?

Пушок опять готов был запаниковать, но Тайка продолжила его гладить:

– Поживём – увидим. Ни одно гадание не скажет тебе всей правды. Это лишь одна из линий вероятности, а человек сам творит свою судьбу!

– Наверное, ты права, – Пушок немного повеселел.

– Пообещай мне ещё кое-что. Давай прежде, чем сеять панику, ты будешь проверять, откуда что взялось. А то один скажет, другой не так услышит, третий просто соврёт – вот тебе и «испорченный телефончик». Чтобы никаких больше «один коловерша сказал», ладно?

– Угу...

Баба Капа смотрела на них и умилялась:

– Складно говоришь, ведьма. И слова такие хорошие. А ещё я уж думала, ничем не удивить меня на старости лет, а поди ж ты! Неужто ты и правда коловершу своего понимаешь? Я б тоже хотела знать, что мой Веник говорит... научи, а?

– Научить не смогу, – вздохнула Тайка. – Это случайный дар от упавшей звёздочки. Но если хотите, я могу как-нибудь прийти в гости и попереводить вам с коловершьего на человеческий.

– Договорились, – баба Капа вздохнула. Видать, скучно ей было одной, хотелось поболтать с любимцем. А балбес Веник не ценит такую хозяйку, к Тайке напрашивается. Надо будет с ним потолковать, вразумить.

И всё-таки ещё один вопрос не давал ей покоя:

– Баб Капа, а зачем вы притворяетесь? Всё же это, – Тайка обвела руками гадальный уголок, – не настоящее.

– Я даю людям то, что они ожидают увидеть, – старуха улыбнулась, её блёклые, но всё ещё озорные глаза украсили расходящиеся лучики морщинок. – Навроде как реклама. Иду, панимашь, в ногу со временем.

Потом они ещё долго прощались у калитки и не могли расстаться: обсуждали хитрюг-коловерш и их проделки, делились рецептами пирогов и ватрушек, договаривались о новой встрече. Могли бы до самого вечера так проболтать, но Пушок начал торопить Тайку домой, мол, пора обедать.

Пришлось Тайке снова седлать свой велосипед. А баба Капа, помахав им рукой, вдруг добавила вслед:

– Кстати, к твоему сведению: с Бабой Ягой мы и правда подружки. На шабаш вместе ходим и ещё на дискотеку.

Но этого откровения Тайка уже не услышала – так уж решил встречный ветер...

Моровая ведьма

Дед Фёдор опять заболел. В самую жару умудрился простудиться. И как только угораздило?

От помощи он, как обычно, отказался, но Тайка его не слушала. Сварила курочку, насушила сухариков, чтобы дед не пустой бульон хлебал, сгоняла на велике в аптеку за лекарствами. Пушок тоже в стороне не остался: пожертвовал банку малинового варенья из личных запасов. Всем известно, что от простуды это самое лучшее средство.

Через пару дней после деда Фёдора свалилась и Маришка – его внучка. Не повезло ей, приехала на каникулы из города, и на тебе: кашель, насморк, температура.

Пушок, конечно, разволновался:

– Тая, а болезнь-то заразная! Ты в дом к ним не ходи. Дай лучше я слетаю, гостинцев отнесу.

– А сам, значит, не боишься?

– Мне-то что? Зараза к заразе не липнет!

Только зря он хвастался. На следующий день и сам слёг. Это было подозрительно, потому что коловерши человеческими хворями не болели. Но ещё подозрительнее оказались сны.

– Тая, мне тут такое привиделось! – Пушок шмыгал носом, вытаскивая одну за другой салфетки из пачки. – Будто к нам в открытое окно девица заглянула. Сама косматая и бледная как смерть, глаза – два бельма, ногти длинные, в руке – бутылочка. Или баночка, я толком не рассмотрел. Всё. Видать, скоро я помру.

– От насморка ещё никто не умирал, – фыркнула Тайка. – Давай ешь малинку протёртую. В ней витаминчики.

Пушка не нужно было уговаривать: его аппетит во время болезни лишь вырос. Теперь он лопал ягоды быстрее, чем Тайка успевала их собирать. А в свободное от еды время спал. Но это и к лучшему – говорят, пока спишь, болезнь быстрее проходит.

Впрочем, этим вечером Пушку не спалось. Тайка уже надела любимую пижамку с единорогами и залезла под одеяло, когда коловерша приполз к ней под бочок и заныл:

– Тая, мне страшно.

– Чего ты боишься, глупенький?

– А вдруг эта косматая опять придёт? Я выяснил, кто она такая, – моровая ведьма. Самая страшная колдунья на свете!

Тайка приподнялась на локте. Хотела сострить, что сейчас сама превратится в страшную ведьму, если ей продолжат мешать спать, но язык не повернулся: Пушок смотрел на неё как на последнюю надежду.

– Тай, ты меня спасёшь?

– Ну конечно, – она почесала коловершу за ухом. – С чего ты взял, что это именно моровая ведьма? Звучит знакомо...

– В книжке вычитал, – Пушок указал взглядом на тумбочку, где лежал потрепанный томик русских народных сказок. – По описанию всё сходится.

– Ой, мне её ба в детстве читала, – обрадовалась Тайка.

Воспоминание о бабушке отозвалось теплом в душе. Как же здорово было тогда залезать под одеяло и засыпать, слушая о чудесах.

– Во! Семёновна ерунду читать не станет! Там написано, что моровая ведьма приходит в дома, просовывает в окно руку с бутылочкой и кропит мёртвой водой всех, до кого дотянется. А люди наутро заболевают или вовсе того... не просыпаются, в общем.

– Пушок, моровой ведьмы не бывает, это сказка.

– Ага! Ещё скажи, что леший – это сказка. Или мавки с кикиморами. Забыла, в каком месте мы живём? В волшебном! Сколько раз уже было: ты думаешь, что-то не существует, а оно есть! И хочет тебя съесть, – Пушок с головой забрался под одеяло, поэтому его голос звучал приглушённо.

– Даже если и так, у нас обереги по всему дому развешаны. И окно закрыто.

– Это всё без толку, Тая. Чтобы спастись, сабля нужна. В той сказке был солдат, который караулил у окна, а когда ведьма руку просунула – хрясь!

– Успокойся. Я с кладенцом не расстаюсь, он лучше сабли. В случае чего, ещё и предупредит об опасности, – Тайка сжала в кулаке висящую на шее подвеску.

– А ты сможешь сделать хрясь? – из-под одеяла показались рыжие уши.

– Да запросто! Я и с упырями уже билась, и со злыднями, – Тайка была уверена, что ей не придётся сражаться. Кладенец в её кулаке оставался холодным и не думал превращаться из подвески в меч. Значит, им ничего не угрожало. По крайней мере, сейчас.

Но Пушок не зря слыл паникёром.

– Тая, а что, если твой кладенец сломался?

– С чего бы ему ломаться?

– Ну, холодильник же у нас на той неделе сдох?

– Пф! Ну ты даёшь! Сравнил кладенец с холодильником.

– Тая, тише! Под окном кто-то ходит. М-м-мамочки... – он снова юркнул под одеяло и захлопал носом.

– Я ничего не слышу.

– Это потому, что у тебя слух человеческий. То есть несовершенный. Чхи! Не то что у нас, коловершей. – Теплый бок прижался к Тайкиному бедру. Пушок дрожал. От страха или от озноба – без градусника не поймёшь.

– Спи давай, – Тайка зевнула. – Можешь остаться со мной, если тебе так будет спокойнее.

Пушок только того и ждал. Свернулся калачиком и захрапел. А вот у Тайки весь сон как ветром сдуло. Коловершу успокоила, сама разволновалась. Вдруг он прав? Оберегов от моровой ведьмы у неё точно не водилось. Те, что от упырей или оборотней, вряд ли подойдут. Да кто такая эта моровая ведьма из сказки? По описанию на трясовицу похожа. Из тех, что на болотах живут и насылают на людей лихорадку. В бабушкиной тетрадке наверняка написано, как с ними справиться, но за тетрадкой надо было вставать. А темнота вдруг стала пугающей: даже нос из-под одеяла высунуть боязно. Может, позвать Никифора, как в детстве? Чтобы взял веник и разогнал ночные страхи.

Нет, она уже не маленькая. Сама справится. Надо вспомнить: что не любят трясовицы? Вроде бы петушинный крик, собачий лай и звон колокольчиков. В прикроватной тумбочке у Тайки лежала заколка с звенелками, за которую Никифор дразнил её «козочкой». Пожалуй, сойдёт.

Осторожно, чтобы не потревожить Пушка, она потянулась к ящику. Вдруг оконная рама скрипнула и медленно приоткрылась. Занавеска заколыхалась от свежего ночного ветерка, а сердце ухнуло в пятки. В спальне запахло влагой и болотом. Неужели правда трясовица?!

Тайка схватила мобильник и включила фонарик – нечисть же не любит яркий свет. Значит, можно выиграть немного времени. Если, конечно, это был не сквозняк, помноженный на игру воображения...

И – нет, не сквозняк. В свете фонарика Тайка разглядела ту самую девицу с бельмами, о которой говорил Пушок. Незваная гостья сидела на корточках прямо на подоконнике, сжимая в когтистой руке баночку. Сомнений не осталось: сейчас будет кропить.

Кладенец, словно очнувшись ото сна, шевельнулся на груди.

– Превращайся уже! – шепнула Тайка, но верный клинок не спешил слушаться. Ох уж эти разумные мечи! Всегда себе на уме.

Трясовица подняла руку, закрываясь от света. Тайке показалось, что та замахивается. Как же быть? У неё же ни колокольчиков, ни заговора, ни петуха свободного под рукой... И Тайка сделала первое, что пришло в голову: сама залаяла, как собака. Наверное, получилось похоже. Потому что в её бок вдруг вцепились острые когти, и Пушок прошипел:

– У-у-у, пёсье племя! – кажется, он ещё не проснулся.

Трясовица ахнула и выпала из окна спиной вперёд. Фуп – послышался глухой удар о землю. Сомлела, что ли?

Сжав зубы, чтобы не заорать, Тайка отцепила от себя Пушка. На всякий случай ещё пару раз гавкнула, и окно само захлопнулось. Кладенец на шее снова стал холодным. Значит, опасность миновала. Уф!

Кстати, вредный меч так и не принял истинное обличье. Тайка хотела пожурить ленивый клинок, но тут наконец проснулся Пушок и завопил:

– Спасите-помогите!

– Тише ты, – Тайка щёлкнула его по носу, чтобы привести в чувство.

– Где эта страшная собака? – Пушок взмыл под потолок, повис на люстре и шумно принюхался. – Хм... а пёсьим духом-то и не пахнет.

Тайка встала, включила свет, и коловерша ахнул.

– Божечки-кошечки, Тая, ты ранена! У тебя на пижаме пятно. Кто этот супостат? Ух я ему наваляю!

– Этот супостат – ты! Не коловерша, а коршун какой-то. Дождёшься, куплю когтерезку. Будем тебе маникюр делать.

– Ой. Я принесу йод, – смутился Пушок.

Пока он летал на кухню за аптечкой, Тайка осмотрела подоконник: обнаружила затхлую лужу и следы. Сомнений не осталось – их навестила трясовица. Не заболеть бы теперь. Хотя... она же кропилом своим не дотянулась. Значит, бояться нечего.

– Ты был прав, – сказала Тайка вернушемуся в спальню Пушку. – Твоя «морская ведьма» – это болотная лихорадка. Сегодня я её спугнула, но завтра она может явиться снова. Сюда или в чей-то ещё дом. Нужно поймать негодяйку, пока она никого не уморила!

На морде Пушка не хватало только бегущей неоновой надписи «я же говорил», но вслух он этого не сказал. Только жалобно уточнил:

– Тая, а у нас есть волшебный парацетамол?

– Только обычный. Но ты не беспокойся, от волшебной лихорадки он отлично помогает.

– А если его растолочь и ведьме на хвост насыпать, может, она сгинет?

– У неё нет хвоста, – Тайка улыбнулась. Ну Пушок и выдумщик!

– А ты хорошо рассмотрела? Ладно, молчу-молчу. Давай царяпину смажу. И подую, чтоб не щипало.

Было больно. Но Тайка стоически терпела. Она понимала: Пушок суетится, потому что напуган и чувствует себя виноватым. Спросонья принять друга за врага – такого с ним ещё не случалось.

– Почти не щиплет, – она нарочито беспечно отмахнулась. – И это... прости, что не поверила.

– Да ладно, проехали. Слушай, а может, Мокшу на эту трясовицу натравить? – Пушок почесал в затылке. – Он как-никак болотный царь. Пусть приструнит заразу. Ой, каламбур случайно получился, Тай! Она ведь зараза в прямом и переносном смысле!

– Вряд ли Мокша сможет нам помочь, – вздохнула Тайка. – Трясовицы обитают на болотах испокон веков. Царь самозванный ещё не родился, а они уже были.

– Но есть же над ними какое-то начальство?

Тайка пожала плечами.

– Не знаю. Будем справляться сами. Крик петуха, лай собаки и звон колокольчиков.

– Только не собака, Тая! Прошу тебя, – Пушок закатил глаза. – О, у меня идея! Скачай лай и кукареканье в интернете. А в колокольчик я сам готов звонить.

– Не испугаешься?

– Ради тебя и Дивнозёрья я готов на всё!

– Мой храбрец, – Тайка почесала его за ухом, и коловерша довольно заурчал. – Тогда план такой: следующей ночью затаимся и будем ждать. Если трясовица приходила и осталась ни с чем, значит, непременно попытается снова. Но теперь мы будем готовы. С Кладенцом я договарюсь, чтобы в следующий раз не вздумал отлынивать. А то ишь, хитренький. Помнится, на маленького безобидного горыныча бросался, что еле удержала, а когда настоящий враг объявился – где верный меч? Прохлаждается!

Подвеска на её груди шевельнулась. Услышал, значит. Вот и хорошо, пусть ему будет стыдно!

Пушок покивал, погрозил вредному мечу когтем и тут же заискивающе улыбнулся Тайке.

– Слушай, а варенье ещё осталось?

– Ага.

– Пойдём чайку попьем, нервы малинкой подлечим. Всё равно уже не заснём, а так хоть какая-то радость.

* * *

К следующей ночи они готовились, как к настоящему сражению.

– Будем ловить на живца! – Тайка, несмотря на ворчание домового, снимала с окон все обереги. Ну а что? Они уже не работали.

– Ещё ковровую дорожку ей постели, – Никифор ворчал не со зла, просто волновался. Ему поручили включить заранее собранный Пушком плейлист «Моровая ведьма» со страшной картинкой на обложке. Домовой то и дело проверял соединение с колонкой и причитал: – Ох, беда. Нет бы живого петушка из курятника взять, а не эти ваши де-вай-сы.

– Живой может не захотеть кричать, а нам рисковать нельзя, – Тайка вручила Пушку колокольчик, и гордый коловерша засел в засаде на люстре. Сверху донеслось чавканье. Похоже, этот сластёна продолжал «лечить нервы» чем-то вкусеньким. Не пришлось бы потом люстру от варенья отмывать.

Но Тайка решила пока об этом не думать. Сейчас ей предстояло лечь с Кладенцом под одеяло, притвориться спящей, а в нужный момент нанести удар.

Все заняли свои места и затаились. Снаружи свистел ветер, вдалеке ворчал-перекатывался гром, приоткрытые ставни тревожно поскрипывали. Надвигалась гроза.

Лежавшую неподвижно Тайку бросало то в жар, то в холод. Простыни сбились, но встать и поправить было уже нельзя. Рукоять Кладенца неприятно давила на ладонь – меч, словно в отместку за выволочку, решил сделаться тяжелее, чем обычно.

Долгое время ничего не происходило, и Тайка сама не заметила, как задремала: то ли сказала предыдущая бессонная ночь, то ли трясовица сонные чары навела.

Её разбудил оглушительный петушиный крик. Никифор постарался, выкрутил громкость колонки на максимум. Сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Тайка крепко сжала рукоять меча, готовясь к бою.

Пушок, ахнув, сорвался с люстры, заметался с колокольчиком в лапах и врезался головой в выключатель. Зажёгся свет. Трясовицы в комнате не было.

– Никифор, ты очумел, что ли? – Пушок брякнулся на тумбочку и от возмущения надулся так, что стал похож на шарик. – Что за фальстарт? А ну вырубай шарманку, пока она собакой не загавкала, – шумно и очень негодуя высморкался он в салфетку.

– Ты мне тут мудрёными словами не выражайся, – буркнул домовый, виновато глядя в пол. – Прости, Таюшка-хозяйюшка, я закемарил и на твою мобилку случайно сел. Кто ж знал, что она от этого дурным кочетом заорёт?

– Ничего страшного. Я тоже заснула, – Тайка выключила звук, и Никифор вздохнул с облегчением.

– И я, – Пушок перепорхнул с тумбочки на Тайкино плечо. – Вы не находите, что это подозрительно? Ладно бы кто-то один прикорнул, но чтоб все трое? Ой, слышите! На кухне кто-то шурует.

– Я ничего не слышу, – Тайка отмахнулась.

– Нет, точно тебе говорю. Кто-то холодильник открыл. Я этот звук из тысячи других узнаю. Тая, там кто-то тырит моё варенье!

Пушок рванул к двери. Прилипшая к лапе салфетка тащилась за ним и реяла, словно боевое знамя. Тайка и Никифор переглянулись и поспешили следом.

Когда они ввалились на кухню, кто-то – наверное, домовый – включил свет. И в тот же миг коловерша завопил:

– Караул! Грабят! Держи вора!

Возле открытого холодильника стояла давешняя трясовица. В одной руке у неё была ложка, в другой – почти полная баночка с малиновым вареньем. Поняв, что её засекали, трясовица ойкнула и попятилась к приоткрытому окну. Но расхрабренный коловерша преградил ей путь к отступлению.

– Стоять! – рявкнул он. – По всей строгости отвечать будете, гражданочка! Рассказывайте, как усыпляли, как заразу насылали, как чужую малину таскали? И да, варенье – на бочку! В смысле, на стол. Поставьте и отойдите. Иначе наш меч – ваша голова с плеч!

Трясовица, крепко прижав баночку к груди, прошипела:

– Не отдам. Моё!

– Суд сочтёт это отягчающим обстоятельством, – Пушок был неумолим.

Тайка нервно рассмеялась. Ситуация была нелепая донельзя. А трясовица при свете оказалась совсем не страшная. Худенькая, с острыми плечиками, ростом не выше Никифора. Неудивительно, что меч нападать не захотел. У неё и самой рука бы не поднялась.

– Кто ты? Зачем пришла? – Тайка спрятала Кладенец за спину. Тот намёк понял – хоп – и превратился обратно в подвеску.

Незваная гостья выдохнула с облегчением.

– Огнястра моё имечко. Из рода болотных лихорадок младшая сестрица. А пришла я знамо за чем – за вареньем. Позволь забрать баночку, и я уйду. Больше никого в Дивнозёрье не потревожу.

– Тая, она врёт! Включай петуха!

– Пожалуйста, не надо, – Огнястра побледнела.

Признаться, Тайка сперва ей тоже не поверила.

– Если ты хотела только варенья, зачем заразила деда Фёдора, Маришку и Пушка?

– Я никого не заражала. У меня и заражалки с собой нет, – глаза трясовицы округлились. – Или... сестрица Ледея говорила, мол, когда станешь взрослой, одним взглядом насморк вызывать будешь. Выходит, я выросла? Какая неприятность.

– Если это и в самом деле случайность, вылечи их, – Тайка указала на утирающего нос Пушка.

– Я не умею, – Огнястра с опаской покосилась на Тайкин кулак с подвеской-кладенцом. – Но не кручинься, научу тебя, как беду избыть. Найди чёрное петушиное перо и положи каждому под подушку – на следующее утро всю хворь как рукой снимет. Вишь, какую тайну тебе поведала! Тока сёстрам не говори. Теперь я могу забрать варенье?

– Нет! – Пушок вздыбил шерсть. – Я раскусил твой коварный план! Малиной от болезней лечатся. Стало быть, ты хочешь его отравить, чтобы самое верное средство помогать перестало.

– Я хочу его съесть, – Огнястра облизнулась. – Очень уж оно вкусное. У нас на болотах токмо кислая ягода растёт. И как её сладкой сделать – ума не приложу. Хошь верь, хошь нет, но несколько лет назад я проникла в чужой дом вместе с сестрицей Ледеей. Не здесь, в другой деревне. Пока она с заражалкой ходила, я заскучала. Смотрю – на столике вазочка, а в ней что-то красное. И пахнет заманчиво. Решилась попробовать и с тех пор покой потеряла. Сплю и вижу, как бы ещё раз вареньица отведать. А людей мучить я ни-ни, мне эт не нравится.

Ну дела! Теперь Тайка поняла, почему кладенец артачился. Вовсе не из жалости. Он чужие намерения за версту чуял. Значит, Огнястра сказала правду.

– Нонсенс! – фыркнул Пушок.

А Никифор сочувственно покачал головой.

– Тяжко тебе в жизни будет, коли не станешь воплощать своё предназначение.

Огнястра горько вздохнула.

– Знаю... Сёстры меня не понимают. Им бы только хворь наслать да уморить кого. Но ты не беспокойся, ведьма. В Дивнозёрье они ни ногой. Им Мокша такого нарасказывал, что они теперь боятся тебя до жутиков.

Тайке стало жаль юную трясовицу. И, несмотря на недовольное бухтение Пушка, она решила:

– Забирай варенье. Мы себе ещё сварим.

– Вот спасибочки! – Огнястра ещё крепче прижала к себе баночку.

– И это... если не хочешь заниматься тем, к чему душа не лежит, ты не обязана. Например, у меня есть знакомая мавка, которая мечтает играть в группе на барабанах. А у тебя есть мечта? Кем ты хотела бы стать, когда вырастешь?

– Хочу съесть много варенья!

– Эта мечта уже сбылась. Когда закончится, приходи за добавкой. Только не заражай никого больше, – Тайка улыбнулась.

– Выходит, мне нужна новая мечта? – Огнястра почесала в затылке. – Ну я не знаю...

– Это нормально. Порой всем нужно время, чтобы понять, чего душа просит, – успокоила её Тайка.

– Сестриц обижать не хочется, – всхлипнула трясовица. – Они ведь желают мне блага.

– Моя мама такая же. Уже всё за меня распланировала: где жить, где учиться. Только ведь это её мечты, не мои.

– И как ты поступила?

– Стала жить своим умом, конечно. Было непросто. Но в итоге всё получилось. Значит, и у тебя получится. Главное, верь в свои силы.

– Ты лучшая, ведьма, – прошептала Огнястра. – Обещаю, я обязательно найду собственный путь.

Украдкой смахнув слезинку, она прошмыгнула мимо Пушка. Помахала лапкой, спрыгнула с подоконника – и только её и видели.

– Слишком ты добрая, Тая, – коловерща затворил окно.

Наверное, он всё ещё не мог пережить утрату варенья.

– А по-моему, Таюшка-хозяйюшка правильно рассудила, – Никифор одобрительно крякнул. – Кстати, тебе, обалдуй пернатый, тоже стоило бы задуматься о будущем. Не всё ж по лесам шататься да малину лопать. Делом бы каким занялся полезным.

В ответ Пушок показал домовому язык.

– Сам разберись, чай, не маленький. Ты, Никифор, лучше свои мечты воплощай, а мои – не трожь. Только подумайте: однажды наступит время, когда никто не станет указывать другим, что им делать, – тогда не жизнь у нас начнётся, а малина!

С ночи до зари

Вот почему так всегда случается? Стоит дослушать страшную историю, которые Пушок так любит рассказывать на ночь, и тут же либо ветер на улице взвывает, либо телефон зазвонит, а то и вовсе почудится, что в дверь постучали...

Ой, или не почудилось? Настоячивый стук повторился.

– Пушок, будь другом, слетай глянь, кого там принесло?

– Не полечу, – буркнул коловерша.

– Ну что тебе, трудно, что ли? Или ты сам себя напугал? – Смех смехом, но Пушок обладал неистощимой фантазией, которая в сочетании с впечатлительностью уже не раз приводила к печальным последствиям. А запрещать ему смотреть фильмы ужасов или читать страшилки в интернете бесполезно – он и сам может такой сюжет придумать, что Стивен Кинг позавидует.

– Неправда! Я ничего не боюсь! – Он полетел к двери, глянул в глазок и заорал так истошно, что Тайка чуть чаем не подавилась:

– А-а-а! Тая, только не открывай дверь! Там смерть пришла!!!

– Какая ещё смерть?

Пушок нырнул под диван и, спрятавшись за бахромой покрывала, прошептал:

– Всамделишная. С косой, в капюшоне и с черепом!

– Ну что ты бредишь?

Тайка много чудес повидала, поэтому была уверена, что смерть просто так по улицам не ходит. Может, коловерша решил её разыграть? А что, с этого артиста станется!

Не обращая внимания на сдавленный писк из-под дивана, она решительно зашагала к двери, глянула – и обомлела. О-ой! Неужто Пушок был прав?

Но в следующий миг поняла – у страха глаза велики. Наслушалась этого крылатого паникёра и сама чуть было не лопухнулась.

– Это вовсе не смерть, а обычная полуночица. И не коса у неё, а серп.

– Да? – коловерша с опаской высунул мордочку. – Всё равно не открывай. Сейчас как раз полночь – значит, она в самой что ни на есть силе. Как взмахнёт серпом, и плакали наши пёрышки...

А снаружи донесся грубый, явно привыкший командовать женский голос:

– Не спишь, ведьма? Открывай! По делу я...

– Скажи, что нас нет дома, – не унимался Пушок.

– Во-первых, врать нехорошо, – Тайка погрозила ему пальцем. – А во-вторых, мы не в поле, чтобы её бояться. Ну и ты помнишь, я же ведьма, ко мне кто угодно может обратиться за помощью.

С этими словами она открыла дверь.

Полуночицу действительно можно было испугаться: так-то они девицы красивые, но в лунном свете кости начинают просвечивать сквозь кожу, а глаза – светиться алым. В общем, малоприятное зрелище. Но Тайка всё равно улыбнулась гостье, ибо негоже по внешности встречать.

– Здрасьте! Какими судьбами? Что у вас случилось?

Приглашать полуночицу в дом она всё-таки не стала: мало ли? А так – обереги на месте, порог не перешагнёт.

– Моя сестра полуденница Поля сказала, ты ей помогла однажды, значит, и мне не откажешь, – гостья протянула бледную ладонь с железными ногтями на пальцах (и зачем ей серп – такая и голыми руками порвать может). – Я полуночица Нина. И меня утомила эта проклятая кобыла! Сделай с ней что-нибудь!

– К-какая ещё кобыла? – Ох, надо бы ответить рукопожатием, но опасно.

Сперва Тайка подумала, что речь идёт о Поле (та была высокой, широкоплечей) и ей предлагают вмешаться в сестринскую ссору (ну спасибо!), но всё оказалось намного проще.

– Такая-сякая, каурая! Пасётся на моём поле, негодяйка, – полуночица перебрехала назад толстую тёмную косу и покрепче перехватила серп. – Ух, я бы ей уши на ходу отрезала! Представляешь – и жрёт, и топчет.

– Ой, наверное, это кобыла кого-то из деревенских с привязи сбежала. Вроде у дяди Миши была каурка. Пойдём поймем её, а завтра найдём хозяина, – Тайка накинула на плечи платок, взяла верёвку и, немного робея, перешагнула порог, на всякий случай сжимая в кулаке Кладенец-подвеску – ну а вдруг это какие-то уловки полуночицы? Но верный клинок не почувствовал опасности, оставшись холодным, поэтому Тайка всё-таки протянула Нине руку, а та скомандовала:

– Побежали скорее! – и потянула её за собой.

Нет, это оказалась не простая кобыла. Масть у неё, может, была и каурая, вот только грива и хвост сияли в ночи так, что Тайка сперва подумала, что поле горит.

Они спрятались за стогом сена, чтобы не спугнуть волшебную лошадку, хотя полуночицу пришлось уговаривать: та рвалась в бой и размахивала серпом.

– Я никогда такую не видела... – честно призналась Тайка. Ведь нет ничего хуже, чем изображать из себя умную, когда на самом деле ничего не знаешь и можешь испортить дело.

– И как же ты тогда её поймешь?

Смотреть на сверкающую глазами полуночицу было боязно. Возражать ей – ещё страшнее. Но деревенское поле надо было спасать: не вытопчут, так подожгут.

– Попробую яблочком. Все лошади любят яблоки, – насчёт волшебных, признаться, она была не очень уверена.

– Тая, ты что, сказок не читала! – откуда ни возьмись на её плечо спикировал Пушок. Не смог, видать, остаться дома, хоть и страшно было, а всё-таки полетел следом. – Надо как подбежать, как прыгнуть и схватиться за хвост! Сперва она тебя будет носить под облаками, а потом пообещает коней золотогривых и конька-горбунка. Я считаю, надо брать!

– Сам ты горбунок, – фыркнула Тайка. – Не во все сказки подряд стоит верить. Слушайте, а может, с ней поговорить просто? Попросить не топтать урожай.

– Так она тебя и послушала! – Нина звякнула когтем о серп, проверяя заточку. – Ловить надо и запирать. Эй, коловерша! Сможешь накинуть ей верёвку на шею?

– Ну, я попробую.

– Не пробовать надо, а делать! – От команд полуночицы даже Тайке захотелось втянуть голову в плечи, а Пушок и вовсе уши прижал. Вот бывают же люди (и не люди), которых сначала слушаешься, а потом думаешь...

Наверное, раньше у Нины и неудач-то не случалось – уж очень она в себе была уверена. А когда за дело брался Пушок, можно было гарантировать одно: скучно не будет. А что до результата – это уже как повезёт.

Взяв в лапы верёвочную петлю, коловерша мелкими перебежками начал приближаться к кобылице, а Тайка с Ниной крепко держали остаток верёвки. Эх, вот бы было здорово уметь кидать лассо, как в фильмах про ковбоев! Тайка в детстве даже пробовала научиться, но не преуспела, поэтому оставалось надеяться на коловершу.

Лошадь с пламенеющей гривой сперва и ухом не вела – объедала себе колоски. Но в самый ответственный момент, когда Пушок взмыл в воздух, шархнула в сторону. И нет бы коловерше опять затаиться и переждать, но тот на волне охотничьего азарта решил предпринять ещё попытку и едва не получил копытом по голове.

Тайка ахнула, когда Пушок выронил из лап верёвку, а затем с громким отчаянным мявом вцепился в роскошный хвост кобылицы. Та сперва поддала задом, потом встала на дыбы, а когда и это не помогло, взмыла в воздух, сразу скрывшись за облаками.

– Что ж, – полуночица Нина проводила горе-всадника тоскливым взглядом. – Он хотя бы не разобьётся. Что дальше-то будем делать, ведьма? Может, ружьё поискать, а?

– Нет, давай просто подождём.

Так они и прождали до самой зари, пока полуночица не исчезла.

Пушок вернулся ближе к полудню, ввалился в форточку и заявил:

– Хочу крошки!

Тайка так обрадовалась, что рыжий пострел жив-здоров, что отдала ему свою мисочку, а себе взялась настрогать ещё.

– Ну как, поймал? – она сгорала от любопытства. Ну а вдруг коловерша оказался прав, и у них в сарае уже стоят лошадки «молодые, воронье, вьются гривы золотые»?

– Не совсем... – Пушок набрал крошки в рот.

Лишь по окончании обеда его удалось разговорить.

– Понимаешь, Тая, она меня оборжала, кобыла эта! Коники, говорит, тебе привести, да ещё и горбунка в придачу? А не жирно ли будет? Я ей, мол, нет, в самый раз, а она опять ржёт: ничего не выйдет, не ту лошадку ты поймал. А потом такая: что ты прицепился к моему хвосту, как репей? Али рассвет хочешь отсрочить, вражина?

– погоди, а при чём тут вообще рассвет?

– А при том, что это кобылица-заря. Потому у неё и грива огненная, чтобы в урочный час поджигать облака.

– Красиво, наверное... – мечтательно протянула Тайка, подперев ладонями подбородок. – А на рожь она потрапу зачем устроила? Ты сказал ей, что плохо так делать?

– Тая, она голодная была! Как можно отказывать живому существу в еде? Это же форменное свинство! Можешь своей Нине так и передать, – коловерша встал в позу «когти наголо», готовый до последнего защищать права голодающих.

– М-да... и как же это полуночице объяснить? Она же ненавидит рассвет. Может, ещё пуще начнёт на зарю-зорюшку охотиться.

– А ты сиди тихо и молчи, – посоветовал Пушок. – Я ещё вчера говорил: нет нас дома, и всё. Кобылка наестся и улетит.

– Ну-ну... Гениальный способ решить проблему – спрятаться от неё. Ты не коловерша, а страус какой-то!

– Но страус не прячет голову в песок!

– Вот видишь, даже страус не прячет, – фыркнула Тайка. – Значит, и мы не будем!

– И что мне с того, что она – заря? – полуночица отбивала нервный ритм по поверхности садового столика. От её железных когтей на столешнице уже виднелись вмятины. – Ты мне зубы-то не заговаривай, ведьма. Взясась прекратить потрапу, так действуй. А не то ослаблю тебя на всю деревню как неумеху, что слова своего не держит.

– А вы, дамочка, нам не угрожайте! – пискнул Пушок, на всякий случай отодвигаясь подальше. Всё-таки серп внушал опасения.

Нина оскалилась да как щёлкнула зубами в его сторону (зубы, к слову, у неё тоже были железные, острые), коловерша охнул и нырнул под стол, а Тайка поджала губы.

– Я от своих слов не отказываюсь. Но теперь действовать будем по-моему. А если не послушаешься меня – сама разбирайся со своей кобылицей.

– Ладно, ладно, – проворчала полуночица. – Выкладывай, что сделать надобно.

И Тайка поведала ей свой план.

– Что-о?! – Нина округлила глаза. – Ну, знаешь ли, я на такое не подписывалась!
– Ты хочешь от неё избавиться или нет? – Тайка упёрла руки в бока. Да, она тоже могла быть упрямой. – И чтобы никаких серпов, ясно?

Полуночица некоторое время сверлила её огненным взглядом, а когда напугать не получилось, со вздохом кивнула:

– Я попробую. Но ничего не обещаю.

И они направились к полю – с пакетом, полным спелых душистых яблок.

Кобылица была тут как тут: Тайка заметила пламя её гривы издалека. Достав из кармана пару кусков сахара, она протянула их полуночице:

– Иди, приманивай.

Та, закатив глаза, сжала кусочки в кулаке, поморщилась:

– Фу, какие липкие, – но пошла.

Стоило ей приблизиться, лошадка перестала есть и наострила уши. Полуночица остановилась и выдала:

– Кыс-кыс-кыс... цып-цып? В общем, иди сюда, вражина. У меня сахар.

Заря ответила ей насмешливым ржанием.

– Она не понимает! – Нина обернулась к Тайке.

– Да всё она понимает. Поговори с ней подольше.

Полуночица, скрипнув зубами, повторила:

– У меня сахар. Хочешь? Тогда иди сюда. На-ка, на-ка...

– Споймать меня надумала? – фыркнула кобылица. – Многие хотели зарю захомутать, да ничего не вышло. Не накинуть на меня уздечку, не надеть седло! Так что катись отсюда, глазастая, пока копытом не получила.

– Сама катись! – обиделась Нина. – Сдалась ты мне, как собаке пятая нога. Я только хочу, чтобы ты мою рожь не ела и не топтала.

– Подумаешь, порезвилась немного. Не убудет! – Заря всё же немного смутилась. По крайней мере, Тайке так показалось.

– Ах, значит, так?! – полуночица подняла кусок сахара высоко над головой и, закинув его себе в рот, захрустела. – Шиш тебе, а не лакомство!

– Ха! Напугала! Да я тогда ещё больше колосков слопаю. И что ты мне сделаешь?

Тут уже Пушок не выдержал, высунулся из ржи, поправил на носу тёмные очки (опять детективов пересмотрел, не иначе) и прокричал со знакомыми интонациями дяди Семёна, участкового:

– Гражданочка кобыла! Почему нарушаем? Вам вообще знакомо понятие «частная собственность»? По сто пият восьмой статье пойдёте!

– А, это ты давеча в хвост мне вцепился да свалился на вираже, как мешок с картошкой? – каурка насмешливо приподняла верхнюю губу, показав крупные зубы.

– Это было тактическое отступление, – принялся оправдываться Пушок. – Меня укачало!

Разговор повернул уже совсем не в то русло, и Тайка, выглянув из-за стога, помахала пакетом с яблоками. Всё-таки нужно было с самого начала брать переговоры в свои руки.

– Госпожа Заря, вот вам угощение, а поле оставьте в покое, пожалуйста. Давайте разойдёмся с миром. Никто ведь не хочет ссориться, я надеюсь?

– Странные вы, – мотнула головой кобыла. – Сперва кричат, за хвост хватают, руками машут, потом яблоки предлагают... нет бы сразу по-хорошему.

– А сама-то! – Рука Нины дрогнула, но всё-таки не схватилась за рукоять серпа. – Я это поле холила-лелеяла, а ты... Могла бы по-хорошему попросить, и я бы тебе выделила с краю кусочек. Не из середины! Нет, нужно было прийти, всё потоптать-попортить и вдобавок в душу нагадить!

Губы полуночницы дрожали, она чуть не плакала. И тут случилось то, чего Тайка никак не ожидала: кобылка бочком-бочком подошла к Нине и потянулась мордой к руке:

– А сахарок ещё остался?

– Угу. Вот.

Заря осторожно взяла лакомство с протянутой ладони.

– Ты уж прости меня, защитница полей. Не подумала я. Впредь буду спрашивать разрешения.

– И ты прости, – Нина, всхлипнув, похлопала её по шее. – Я так озлилась, что уши тебе отрезать хотела. А надо было всего лишь объяснить спокойно...

– Хочешь, я в качестве извинения тебя под облаками покатаю? – вдруг предложила Заря.

Полуночница глянула на неё со смесью восхищения и ужаса:

– Дык скоро рассветёт. Нельзя мне, глаза слабые.

– А у меня как раз есть очки от солнца! – подсуетился Пушок.

– Ты зачем их вообще взял? – прошептала Тайка, закатив глаза. – Ну кто же ночью в тёмных очках ходит?

– Во-первых, тёмные очки – это стильно! Эх, мне бы ещё шляпу, как у комиссара Мегрэ... А во-вторых, Тая, они при-го-ди-лись! К чему тогда вопросы?

Ну да, тут не поспоришь, конечно.

Когда Нина с Зарёй улетели, Тайка с Пушком помахали им вслед и отправились домой – доспать.

Уже завернувшись в одеяло, она размышляла: а ведь правда – люди так часто ругаются на пустом месте. Одному на ногу в автобусе наступили, другой в ответ сумкой двинул – и на тебе, готов конфликт. Порой – до драки. А всё могло бы разрешиться извинением и улыбкой: ведь в большинстве случаев никто не желает соседу зла. Может, просто надо быть добрее друг к другу?

Потом Тайку всё же сморило, и она заснула. А заря в тот день зажглась в небе Дивнозёрья немного позже положенного, но этого никто не заметил.

Чем пахнет радость?

– Пушок, ну что мне с тобой делать? – уперев руки в бока, Тайка снова отчитывала коловершу. – Тебе хоть кол на голове чести. То есть теши! И не надо мне тут делать глазки как у котика из мультика про Шрека. Не поможет.

– Раньше помогало, – Пушок юркнул под диван. Не иначе, почувал, что полотенце по хвосту плачет.

– То раньше. А теперь моя каша терпения переполнена. Ой, я хотела сказать, чаша. Чаша терпения!

– Тая, ты чего это заговариваешься? – сквозь бахрому покрывала просунулась встревоженная рыжая мордочка. – Апчхи! Ну и пылища тут.

– Вот именно: пылища. Я на тебя надеялась, а ты... – Тайка обессиленно опустила на табурет и принялась обмахиваться полотенцем.

– Подумаешь, разок дежурство по кухне пропустил, – Пушок опять чихнул. – Нашла из чего трагедию делать.

– Разок? Да ты все время отлыниваешь. А кто полить мокры обещал? Тьфу, помыть полы. Да что ж такое-то?

– И это мне говорит человек, который всю неделю находит отговорки, чтобы не учить алгебру, – Пушок хотел засмеяться, но снова чихнул. Раз. Другой. Третий.

– Ты не заболел? – встревожилась Тайка.

– Не знаю. Апчхи!

– Вылезай. Надо скорее выпить чаю с варинным маленьком.

– Апчхи!

– А еще бабушка говорила, что надо пить жибий рыр для укрепления иммунитета.

– Апчхи! Ой, только не рыр. Тьфу, Тая, я с тобой тоже заговариваться начинаю.

– Чаво у вас тут происходит? – из-за печки высунулся заспанный домовый Никифор. –

Ишь разбушевались.

– Пушок отказ дежуривается, – пожаловалась Тайка.

– Чхи! Чхикифор! – коловерша утирал лапой слезы, катящиеся из глаз. – Кажется, нас глаза сведьмила. У нас заплетык языкается.

– Ничего не понимаю, – домовый развел мохнатыми лапами. – Это какой-то розыгрыш? Ладно еще этот рыжий обалдуй, но ты, Таюшка-хозяйюшка! От тебя не ожидал.

Тайка отчаянно замотала головой. Ну как объяснить Никифору, что их, похоже, и впрямь сглазили? Еще знать бы, кто посмел. Ведьм, кроме нее, в Дивнозёрье не было. Разве что какая-то пришлая объявилась?

Пушок все еще старался докричаться до домового, яростно жестикулируя лапами:

– Надо пери задвереть. И развеси прообережить. Ой, беда-беда!

Перья на макушке коловерши встали дыбом от страха, хвост распушился, и Никифор наконец-то понял, что все происходящее – не шутки.

– О-хо-хо, – он всплеснул руками. – Тут надобно посоветоваться со специалистом по проклятиям.

А потом шмыгнул за дверь как был, босиком, – и был таков.

* * *

Специалистом, за которым бегал Никифор, оказалась Марьянка-вытьянка. Ну а что? Во-первых, она рассудительная, во-вторых, никогда не теряется в сложных ситуациях, в-третьих, призрак.

Вот и сейчас первым делом Марьянка пихнула Пушку в пасть пряник, а Тайке сунула в руки смартфон.

– Пиши, ведьма. Глядишь, на печатный текст проклятие не распространяется. Когда это началось?

И ведь угадала! Тайке самой в голову не пришло. Но это потому, что она переволновалась. «После захода солнца. Сначала я начала заговариваться, потом Пушок. Но он чихал, а я – нет».

Стоило ей это написать, как – апчхи! – ну, началось...

– Сглазом у вас не пахнет, – Марьяна шумно втянула носом воздух. – Может, проклятый предмет?

– Я бы почувал. В своем доме я как-никак хозяин, – покачал головой Никифор, но вытьянка отмахнулась.

– Ой, они такие бывают – насквозь проколдованные.

– Это в каком смысле? – домовый почесал в затылке.

– А в таком, что делали великие колдуны – не чета нам. Ведьма, может, из Дивьего царства подарочек прислали, а? Или, божечки упаси, из Навьего?

Тайка мотнула головой. Потом призадумалась.

– Или постой... Мне ба связки носкала, – она для верности указала на носок, но Марьяна и так догадалась.

– А Пушку она ничего не связала? Может, нить попалась порченная?

Но нет, коловерша от Семеновны подарков не получал, о чем сообщил, разочарованно мявкнув.

– Никто меня не любит. Дождатков от них не подаришься!

– Хм... а может, они что-то не то съели или выпили? – предположил Никифор.

Тайка принялась набирать текст:

«На завтрак был омлет с зеленью и помидорами. Потом в школе пообедала, но это не считается – Пушок в нашей столовке не ел. Когда вернулась, чай пила с мармеладом. А, и бутер с сыром, потому что колбаса закончилась».

На морде Пушка появилось мечтательное выражение – ведь лучше разговоров о еде, по его мнению, была только сама еда.

– А я доел щи с петропом и укрусшкой. И колбасу. Еще мятники пряные. Апчхи! И пельмени. Пачку. А потом филиное кура с картошечкой.

– Во проглот! – в голосе Никифора осуждение мешалось с восхищением.

– Я организменный растущ! – возмутился коловерша.

Взгляд домового вдруг прояснился:

– Ох ты ж, кажись, я начинаю понимать эту тарабарщину. Теперь бы понять, что за напасть приключилась и, главное, как от нее избавиться. Что думаешь, Марьянушка?

– А ведь есть совпадение, – просияла вытьянка. – Зелень! Может, злой корешок попался?

– Выходит, с кикимор спрашивать надо. Наверняка это их рук дело!

Никифор обрадовался, а Пушок, похоже, не очень. Ну конечно, он ведь сам любил распутывать загадки и играть в частного детектива, чтобы как в любимом кино и он, красивый, в центре внимания. А тут, во-первых, он сам пострадавший. Во-вторых, дело без него, считай, раскрыли. И в третьих, решение-то было на поверхности! Обидно.

– Чхи-киморы спят давно, – недовольно буркнул он.
Но Никифора было не переупрямить:
– Ничаво, проснутся. Неча нашу Таюшку-хозяйшку забижать! И тебя, балбеса рыжего.
Хоть ты и оглоед, но мы тя любим.

* * *

Кикиморы и в самом деле мирно спали, свернувшись клубочком под корнями яблони. Прежде Тайка не пускала их в сад, вешала обереги, чтобы гонять воришек от сладких яблок, но потом передумала. Лучше ведь, когда все живут в мире, а урожай у ведьмы в саду обильный, на всех хватит. Кикиморы взамен пообещали не пакостить, да, видно, не сдержали слово.

– Подъем! – заорал Пушок прямо на ухо востроносой Кире и захлопал крыльями для устрашения.

– А? Что? Потоп? Пожар? – запричитала Кира, округлив спросонья глаза.

Ее сестра Клара продолжила мирно посапывать. Вот что значит здоровый сон – впору позавидовать.

– Сознавайся! – Марьяна приперла преступницу к шершавому стволу так яростно, что несколько еще не созревших яблочек шмякнулись в траву.

– В чем?

– Во всем!

– Это не я! – заверещала Кира, втягивая голову в худенькие плечи. – Это все Клара!

Ее сестрица перевернулась на другой бок и пробормотала сквозь сон:

– Чаво разорались? Дайте поспать.

– По твою душу пришли, – Кира ткнула сестру в бок тонким, как веточка, пальцем. – Сам детектив Пушок с подручными. Признавайся, че набедокурила?

Коловерша, заслышав это, выпятил грудь колесом. Тайке захотелось щелкнуть его по носу, но она сдержалась.

Клара резко села, огляделась, ахнула и проверещала:

– Это не я! Это все Кира! А что случилось-то?

– Вот вы нам и расскажите, – Никифор сплел руки на груди и сурово сдвинул брови.

Кикиморы, переглянувшись, пожали плечами.

– Кто-то опять вступил в наш след? – Кира почесала в затылке. – Значит, сам себе кулема. Мы, эта... стараемся на дорожках лапами не шлепать. Научены уже горьким опытом.

– Блюдем договоренности, – поддакнула Клара. – А ежели кому-то не сvezло, значит, такова его судьба-судьбинушка. Неча тут на безвинных кикиморушек напраслину возводить. Отпустите мою сестру, живо!

– Вы, дамочки, обвиняетесь во вредении причиня! – завелся Пушок. – Признательное чистосердечие обвиняет легчу. Апчхи!

– Сам ты апчхи, – насупилась Клара, а Кира, хихикнув, предположила:

– Может, он перебродивших ягод налопался? Однажды моя знакомая шишига...

– Отставить вечер воспоминаний, – рявкнула вытьянка. – Признавайтесь, это вы грядки с петрушкой испортили?

– Не трогали мы петрушку, – заныла Клара, смахивая с носа слезинки. – Клянусь. Век яблоч не видать!

Никифор недоумевающе крикнул. Даже Марьяна сдала назад и разжала руку, отпустив Киру. Все знали, что для кикимор подобная клятва священна.

– О-хо-хо, сложное дельце, – вздохнул домовой. – Похоже, у нас подозреваемые кончились.

Кикиморы снова переглянулись, пошептались и притихли.

– Вы что-то знаете. – Марьяна сложила руки на груди. – Может, видели кого-то? Или что-то?

– Не-а, – Клара выпятила губу. – Вот если бы вы по-хорошему пришли да спросили, мы бы вам кой-чѐ рассказали про таинственную птичку, которая на капустной грядке перо потеряла. А так – нет. И не просите! Мы обиделись.

– Ха! Врете вы все. Не было никакой птички, – хохотнула вытьянка.

Клара обиженно вздернула нос.

– Птичку я, может, сама не видала. Но как тогда ты это объяснишь? – она достала из-за пояса перышко. Не больше воробьиного, только не серого, а лазурно-небесного цвета.

– Пф! Небось, у кого-то из дачников волнистый попугайчик улетел, – Марьяна потянулась к перу, но Клара быстро спрятала его в рукав и клацнула зубами.

– Шиш тебе! Мое!

Кира самоотверженно загородила сестру.

– Это наверняка была синяя птица счастья. И мы наше счастье никому не отдадим. Свое ищите, коли надобно.

Марьяна схватила обеих за шиворот и тряхнула, но кикиморы вывернулись и сразу же нырнули в кусты смородины – только их и видели.

– Преступи ловильников! – ахнул Пушок.

Но Тайка замахала руками, мол, идемте в дом. У нее появилась идея.

Когда все налили себе чаю и сели за стол, она достала бабушкину тетрадку, где та записывала всякие ведьминские премудрости, открыла ее на нужной странице и показала друзьям.

– Во!

В тетрадке ровным убористым почерком было написано:

«Птица-справедливость. Живет в Дивьем царстве, в Дивнозёрье не водится (наверное?).

Размер: с воробья или чуточку меньше.

Цвет: от лазурного до синего с переливами.

Особенности: серебряный клюв. Слепая.

Свойства: живет на волшебном ясене, который растет возле царского дворца. Слышит все людские клятвы и обещания. Если обещание не сдержано, откладывает яйцо, из которого потом может вылупиться птица-мечь (пометка: потом спросить Радосвета, как оно выглядит)».

Ручкой другого цвета бабушка потом дописала:

«Откладывает яйца в голубую крапинку.

Радосвет сказал, что ничего не знает про птицу-мечь и никогда ее не видел. Еще добавил, что птица-справедливость слышит не все клятвы и обещания, а лишь колдовские.

Пошла посоветовалась с лешим. Сказал, здесь такого не водится.

Вывод: познавательно, но для Дивнозёрья не актуально».

– Думаешь, птичка все-таки долетела до нас? – нахмурилась Марьяна, дочитав страницу. – Что-то я сомневаюсь. Да и какие такие клятвы вы с Пушком нарушили? Он посуду не помыл, а ты что? Опять на алгебру забила?

Тайка со вздохом кивнула. Да, она помнила, что скоро экзамен, но заставить себя заниматься не могла вот уже который день.

– Ерунда это все, – проворчал Никифор и ткнул пальцем в тетрадку. – Тут же черным по белому написано: «Не все обещания, а лишь колдовские». Вряд ли вы с Пушком давали нерушимые чародейские клятвы про жирные тарелки и эти ваши синусы-косинусы.

Тайка пожалала плечами и набрала на телефоне: «Тогда не знаю».

Следствие опять зашло в тупик. Даже детектив Пушок, у которого находились идеи на любой случай жизни, сник и отвернулся от предложенного Марьянкой пряника. Похоже, конец света был не за горами.

– А ну не вешать нос! Смотрите, что у меня есть, – вытрянка жестом фокусника достала из рукава перышко. То самое, лазоревое.

– Откель у тебя? – удивился Никифор.

– Да так... – Марьяна хоть и была призраком, а слегка покраснела. – Ловкость рук. Не всё же кикиморам яблоки без спросу таскать, найдется и на них управа. Я вот что подумала: пусть Снежок его понюхает и найдет нам птичку. А мы уж с ней потолкуем. Если это, конечно, не попугайчик.

Снежок – маленький белоснежный симаргл – жил по соседству вместе с Аленкой, Тайкиной подругой и ученицей – тоже ведьмочкой. На птиц у него был особый нюх – уж очень Снежок любил с ними играть. А вот птицы его, наоборот, недолюбливали.

По здоровом размышлении друзья решили Аленку на ночь глядя из кровати не вытаскивать. Во-первых, можно было получить нагоняй от тети Маши, Аленкиной мамы. А во-вторых, не зря же в сказках сказано, что утро вечера мудренее.

Тайка думала, что не сможет заснуть этой ночью, но стоило голове коснуться подушки, как ее сморило. Все-таки проклятия очень выматывают.

Ей приснилась поляна, на которой сплошь росли нежно-голубые лилии. Красивые – глаз не оторвать. Она хотела сорвать одну, но только потянула руку, как услышала:

– Не смей!

– Ой, Мара Моревна! – обернувшись, Тайка узнала старую знакомую. – Нельзя же так пугать! Зачем вы подкрадываетесь?

– А неча цветочки рвать, – нахмурилась чародейка. – Ты их сажала, что ли?

– Я больше не буду... – Тайка смутилась. Неловко вышло. В жизни она чужие цветы не трогала, а вот во сне рука сама потянулась.

Сегодня Мара Моревна явилась в своем летнем обличье: зеленое платье в пол, серьги из земляники, дубовый венок на голове. Молодая, счастливая. Даже не верится, что по осени превратится в бабушку.

– Как там наше Дивнозёрье? – Мара Моревна улыбалась. Уф, значит, больше не сердится.

– Все супер, – Тайка подняла большой палец вверх. – Нечисть не шалит, урожай будет богатый, погода стоит прекрасная. Вот только... да нет, все хорошо.

Она замаялась. Стоит ли рассказывать Маре Моревне про неожиданное проклятие и голубое перышко? Тем более что во сне Тайка не чихала и не путала слова. Может, уже все само прошло? Зачем тогда чародейку-судьбу зря беспокоить?

– Тебя что-то тревожит, – насторожилась Мара Моревна. – Поведай, не стесняйся.

А, была не была! Тайка выложила все как есть. И пожаловалась, что молчать – это еще не самое сложное. Сложнее на месте сидеть, когда твою проблему другие решают. Она так не привыкла!

Чародейку услышанное развеселило.

– Ну и дела! Проклятие, говоришь? Нет-нет, на этот раз подсказок от меня не жди. Во-первых, ты сама способна справиться с этой напастью. А во-вторых, подсказка находится прямо у тебя под носом. Раскрой глаза, ведьма, и ты все поймешь.

Легко ей говорить. Она-то мудрая. А вот Тайка – пока не очень.

– А можно самую малюсенькую подсказочку? – Просить было боязно, но, с другой стороны, за спрос ведь денег не берут? А вдруг Мара Моревна смилостивится? Настроение у нее, кажется, хорошее.

– Подсказку не дам, дам подарочек. – Чародейка вложила Тайке в ладонь цветочную луковицу. – Иди посади. Увидишь потом, что взрастет.

Тайка все сделала как было велено. Руками раскопала податливую землю, воткнула зубчик, присыпала.

– Теперь бы полить. Есть у вас вода? Или, может, дождик вызовет?

– А ты поплачь, – предложила Мара Моревна. Не поймешь, в шутку или всерьез. Тайка, может, и хотела бы заплакать, но по заказу не получалось, как ни старайся.

– Может, водичкой?

– Только слезами и потом, иначе никак. Да ты и сама это знаешь.

Ну вот, опять загадки... Тайка хотела честно признаться, что ничегошеньки не понимает, но моргнула – и вдруг проснулась.

За окном уже вовсю светило ласковое утреннее солнце, а со двора доносился залиvistый лай Снежка. Значит, кто-то из друзей уже сбегал за Аленкой.

Интересно, как там проклятие? Стоило проверить. Тайка наскоро оделась и вышла на кухню:

– С утрём добречком! Апчхи!

– С добречком! – голосом актера-трагика откликнулся Пушок.

Увы, за ночь чуда не случилось.

– Привет, Тай, – Аленка старалась выглядеть беззаботно, но во взгляде таилась тревога за лучшую подругу. – Ты только не переживай, ладно? Мы поможем. Не все же тебе нас спасать. Долг платежом красен.

Симаргл ворвался в дом, как маленький снежный вихрь, бросился к Тайке, облизал лицо и руки. Утешил, в общем, как мог.

– Снежочек говорит, что готов искать преступника, – сообщила Аленка. Только она могла мысленно общаться с чудесным крылатым псом.

Пушок скорчил кислую мину.

– Племя пёся! Фу-пчхи!

Хотя он был коловешей, а значит, котом всего лишь наполовину, но собак все равно не любил, а просить у них помощи считал зазорным. Снежок же, не обращая внимания на его ворчание, лизнул Пушка в ухо и тут же отпрыгнул за Аленкину юбку.

Марьянка с Никифором рассмеялись, глядя на озорную песью морду, и вытъянка хмыкнула:

– Как сказала бы наша ведьма, троллинг засчитан.

А Тайка и правда хотела это сказать. Все-таки друзья хорошо ее знали.

– Ладно, Снежочек, порезвились и хватит. Пора делами заниматься, – Аленка сунула псу под нос перышко. – Ищи, родной. Я верю, ты справишься.

Вопреки ожиданиям, симаргл не побежал на улицу, а закружил по кухне, виляя хвостом так яростно, что чуть не опрокинул Тайкину чашку, стоявшую на подлокотнике кресла.

– Он кого-то чует, – прошептала Аленка. – И этот кто-то совсем рядом.

– Неужто супостат в дом пробрался, а я не уследил? – ахнул Никифор.

Марьяна решительно схватилась за кочергу. Пушок на всякий случай вспорхнул на занавеску, а Тайка подтянула поближе свой рюкзак. Когда не знаешь, с кем предстоит встретиться, с ходу не угадаешь, за что хвататься. А в рюкзаке есть и ножик серебряный, и чеснок, и флакон с противопопыриной водицей, и обереги. Но сперва нужно было увидеть, кто их враг.

Снежок покрутился на месте и, цокая когтями по полу, помчался в Тайкину комнату. Все бросились следом. Пушок, конечно же, занял самое безопасное положение на люстре. А симаргл остановился возле шкафа, наклонил морду и зарычал.

– Кажется, оно там, – Аленка ткнула пальцем в нижнюю дверцу.

– Странно, – протянул Никифор, почесывая бороду. – В этом ящике у Таюшки-хозяйки пряжа да шитво всякое хранится.

– Может, у вас моль завелась? – нервно хохотнула Марьянка. – А что? Новый вид – моль проклинающая.

– Не смешно, – буркнул домовый. – Это ж надо, прямо у меня под носом спрятался. Охохонюшки...

Все мялись, никто не спешил открывать дверцу. Привыкли, что Тайка всегда первая. А Тайке нынче тоже было боязно. Ладно бы упырь какой или оборотень – с ними хоть понятно, что делать. Но в нижнее отделение шкафа ни тот, ни другой не поместятся. Значит, тот, кто их с Пушком проклял, должен быть маленького роста. Что же это за злая малявка?

Страх страхом, а ударить в грязь лицом перед друзьями не хотелось. Все готовы были встретить опасность лицом к лицу. Даже трусоватый Пушок приготовился метать подвески с люстры. А что, они даже чем-то походили на стрелы...

Затаив дыхание, Тайка открыла дверцу. Скр-р-рип – никого. Может, Снежок ошибся?

– В коробке глянть, – подсказала Марьяна.

Тайка послушно откинула крышку и ахнула: ну дела! Их «супостат» мирно посапывал, зарывшись свиным пяточком в пряжу. Из клубков торчал только хвост с озорным бантиком на кисточке.

– Анчутка, – Никифор с облегчением выдохнул. – Таперича понятно, почему я его не заметил. Зело хитрые они. И самой Маре Моревне служат. Помнится, наша Таюшка-хозяйюшка им по осени помогала нити распутывать да ковер судьбы сплести.

– А вот, кстати, и перья, – Марьяна указала на головной убор анчутки, которому мог бы позавидовать вождь индейского племени.

– Сыпью насольте вокруг, – посоветовал сверху Пушок. – А то сбежит же!

Аленка, стоявшая ближе всех к двери, метнулась на кухню за солонкой.

Когда все было готово, Никифор потряс анчутку за плечо.

– Просыпайся, свинячья морда! Чаво разлегся?

– Ой-ей! – анчутка подскочил, ударился головой о крышку коробки, плюхнулся на спину и, выставив вверх лапки, притворился мертвым.

– Ты мне тут не балуй. Признавайся: пошто в дом влез? Пошто хозяйюшку мою обидел? – напирал Никифор. Тайка и не знала, что ее домовый может быть таким грозным. – Марьянка, а ну-ка угости этого притворюху кочергой!

– Не надо кочергой! – встрепенулся анчутка. – Я уже ухожу.

Он хотел прошмыгнуть мимо Снежка, но не тут-то было. Симаргл наступил анчутке на хвост, а Марьянка ухватила мелкого негодяя за шкуру.

– Сейчас же расколдуй моих друзей!

– Не могу-у-у, – лапки анчутки жалобно обвисли вдоль тельца.

– Разве не ты наслал на них проклятие?

– Не... я тут так, сбоку припека.

– Так. Выкладывай все начистоту, – Марьяна хорошенько тряхнула пленника. – Не то хвост оторву.

– Только не хвост! – запричитал анчутка. – И так всю кисточку помяли, варвары. И мою прекрасную коллекцию перьев! Одно вообще потерялось. Красивое такое, попугайчиковое. Вы хоть представляете, сколько лет я их собирал?!

– Это, что ли? – Марьяна собиралась подразнить его лазоревым перышком, но анчутка оказался проворнее. Выхватил его, приладил за ухо и прошипел:

– Отпусти меня сейчас же, малахольная! Не то Маре Моревне пожалуюсь. Я у нее на хорошем счету и вообще личность известная. Лаврушей меня звать. Слыхали, небось?

Друзья переглянулись, пожали плечами.

– Видать, не такой уж ты известный, – Марьяна на всякий случай поставила Лаврушу на пол. – Не вздумай сбежать, тут повсюду соль.

– Бе! – скривился анчутка.

– Чем ты прославился-то? – Никифор погрозил ему пальцем. – Тем, что нитки путаешь и вредишь добрым людям?

– Эй-эй, давайте без напраслины! Я вам не какой-нибудь мелкий пакостник. Моя работа – привносить узор случайности в полотно судьбы, во!

Тайка схватила телефон и быстро набрала в заметках:

«Это правда. Мне Мара Моревна прошлой осенью рассказывала».

– Допустим. И что с того? – Марьяна угрожающе стукнула по полу кочергой.

– Дайте же договорить! – Лавруша пригладил взъерошенные волосы, отряхнулся, достал из кармана жилетки маленькие очки и нацепил их, приняв умный вид. – Исполнять волю судьбы – это целая наука. Я трудился со всем тщанием, и однажды Мара Моревна меня заметила и возвысила. Теперь я не простой анчутка, а заведующий!

Тайке почему-то представился офис, где за маленькими ноутбуками сидят и работают анчутки в пиджачках и при галстуках. Не удержавшись, она хихикнула, чем вызвала новую волну Лаврушиного негодования.

– Не смейся, это большая ответственность! У меня, между прочим, триста работников в подчинении.

– А в нашем шкафу ты что забыл? – Никифор шурился так, что сразу было ясно – не верит.

– А в вашем шкафу у меня отпуск, – набычился Лавруша. – Впервые за пять лет. Только и тут работа догнала... как люди отдыхать умудряются? Не понимаю.

– Анчутка-грудоголик, – с ухмылкой протянула Марьянка. – Тяжелый случай.

– Спасибо, я стараюсь. А вы наконец-то начинаете понимать... – Лавруша зарделся.

Похоже, он счел это комплиментом.

Но Тайка, признаться, ничего не понимала, и ее друзья – тоже. Пока она печатала, Аленка уже сама догадалась спросить:

– А чем вы на работе занимаетесь в этой вашей, э-э-э...

– Службе судьбопроизводства, – подсказал Пушок. Во как по-умному загнул.

Лавруша просиял.

– Судьбопроизводство, говоришь? Надо запомнить, работягам понравится. А занятие у меня самое что ни на есть важное. Я – хранитель обещаний.

– Как это? – У Аленки загорелись глаза. – Вы их записываете, а потом – по папочкам и в каталог?

– Вообще-то нет. Но я подумаю над опте... опти... ох ты ж, опять слово умное вылетело из головы.

– Оп-ти-ми-за-ци-я, – Пушок свесился с люстры, одарив анчутку презрительным взглядом. – Тоже мне эффективный менеджер! Апчхи!

– Приходится идти в ногу со временем, – Лавруша развел лапками. – Но пока никаких кото... логов. У нас вообще нет в отделе котов. Они же цветы попортят.

– Какие еще цветы? – удивилась Аленка.

– Вот эти, – анчутка достал из кармана жилетки очень знакомую луковку. – Когда человек что-нибудь пообещает – себе или ближнему, – у нас на Поле Зароков появляется зеленый росток. У иных он вянет сразу. У тех же, кто держит слово, вырастает прекрасная лилия, которая пахнет теплым летним дождем и радостью.

– Ух ты! А чем пахнет радость?

Лавруша озорно подмигнул Аленке.

– Твой ситаргл сказал бы – колбасой. Для коловерши, что сидит на люстре, – это запах пиригов с вишней. Для тебя – когда мама готовит ужин.

– Ага, это ведь значит, что она со мной дома, а не на работе. Я поняла! Радость для каждого пахнет по-своему. И это всегда что-то особенное, родное.

Теперь Тайка догадалась, для чего Мара Моревна показала ей во сне лилейное поле. Ох уж эта судьба с ее хитрыми подсказками. Даже когда прямо скажет – не факт, что до тебя дой-

дет... Потом она задумалась, а чем пахнет ее радость? Наверное, свежескошенной травой дивнозёрских полей? Или тестом, которое замесила бабушка? Или лимонным чаем, который они так любят пить с друзьями? А может, травами, которые собрал для нее дивий воин Яромир? Да, пожалуй, каждой радости – свое время.

– А у кого цветок не вырастет или завянет, тех вы наказываете? – Марьяна все еще хмурилась, но кочергу отставила в сторону.

– Зачем бы? – пожал плечами Лавруша. – Они сами себя накажут. Может, не сразу, а позже, но это непременно случится. Совесть – дело такое.

– Говорят, она есть не у всех, – Никифор любил спорить. Особенно с теми, кто ему не нравился.

– У всех, – усмехнулся анчутка. – У некоторых просто глубоко закопана. Ну да это не мешает. Порой человек сам не понимает за что, но грызет себя, грызет...

– Ох, и что же тогда делать Тае и Пушку? Выходит, их никто не проклинал? Они сами себя прокляли? – Аленка захлопала глазами.

– Мое присутствие могло добавить толику случайности, – анчутка достал из кармана часы, глянул на них и присвистнул. – Ой-ой, отпуск заканчивается. В общем, не беспокойтесь. У нас все под контролем. Когда я уйду, все станет по-прежнему.

– Нет, – мотнула головой Тайка, – не надо по-прежнему. Теперь я всегда буду делать уроки вовремя. Не хочу, чтобы мои цветочки завяли. Они такие красивые...

– А я помою посуду, – Пушок спустился с люстры на диван. – Прямо щас. Честное слово! Ой, Тая, слышишь? Кажется, проклятие прошло. Слова больше не путаются. И чихать мы перестали.

– Ловлю вас обоих на слове! – Лавруша улыбнулся, а потом сдул крупинки соли с ковра, чтобы разомкнуть круг, хлопнул в ладоши и пропал.

– Мне тоже пора, – заторопилась Марьянка. – Я обещала Сеньке пирог с ревенем испечь.

– Пойду на чердаке приберусь, что ли, – Никифор засучил рукава.

– А я к маме – помогу ягоды перебрать. Она сегодня варенье варит, – Аленка потрепала Снежку по холке, и тот ткнулся лбом в ее ладонь.

Все разбежались по своим делам, поэтому не заметили, как в комнате после их ухода появился неуловимый, но очень приятный запах – свежий, словно листва после теплого летнего дождя, с ноткой самой настоящей радости.

Посмотреть в лицо Бабая

– Что там за крики на улице? – Тайка высунулась в окно.

– Это Татьяна Владимировна с малышнёй воюет, – Пушок, конечно, уже слетал, всё раз-
ведал и был готов доложить.

– Что ей опять не так? Вроде даже не очень шумели. Ну, не больше, чем обычно.

Наверное, противной Татьяне Владимировне просто захотелось повернуть на детвору. Знаете, бывают такие взрослые, которым только дай волю – всех начнут воспитывать и осуж-
дать.

Других старушек в Дивнозёрье обычно звали по именам: баба Ира там или баба Зина. Кого-то – по отчеству, как Семёновну, Тайкину бабушку. А вот Татьяну Владимировну даже сверстницы величали по полной форме, за глаза добавляя: «У-у-у, мымра».

Любимым занятием мымры было сесть на лавочку и начать злословить. Она так ловко умела говорить под руку, что соседи старались не попадаться ей на глаза. Начнёшь, например, на яблоне ветки обрезать. Татьяна Владимировна увидит, губы подожмёт и выдаст:

– Вот дуралей. Ну кто так пилит! – и всё, дело уже не спорится.

А выйдешь в новом платье, сразу получишь в спину презрительное:

– Ишь, расфуфырилась, лахудра!

Тайка в детстве тоже от неё натерпелась. Ох уж эти вечные окрики:

– Не кричи!

– Не бегай!

– Не лезь на дерево, ты же девочка, а не макака!

– За гаражи не ходи, Бабай заберёт!

Бабай был любимой страшилкой Татьяны Владимировны. Мол, придёт кривоногий ста-
рик, всех непослушных детей засунет в мешок и унесёт. Зачем? Чтобы съесть, конечно же.

Впервые услышав про Бабая, маленькая Тайка так испугалась, что несколько ночей кряду не могла заснуть. Ей всё казалось, что страшный старик стоит под окнами и высматривает жертву. Потом Никифор её успокоил. Сказал, мол, неча бояться. В дом, где есть домовой, ни одна зловредная нечисть не сунется, если не хочет получить веником пониже спины. А коли на улице встретится – тоже не боись. Он же кривоногий. Значит, от него запросто убежать можно.

Тайка трястись перестала и ребят успокоила, мол, пусть приходит Бабай. Всё равно не догонит. Но когда за гаражами нет-нет да мелькал колченогий силуэт – ух они драпали!

Теперь настала пора спасти нынешнюю малышню. Не от Бабая. От Татьяны Владими-
ровны.

– Куда собралась, Тая? – окликнул её Пушок. – Там и без тебя справляются.

Тайка прислушалась – и точно. Детвора смеялась.

– Какой ещё Бабай? – хохотал белобрысый веснушчатый пацан. Незнакомый, наверное из дачников. – Это выдумки!

– Ты как со старшими разговариваешь? – вскинулась Татьяна Владимировна. – Давно ремня не получал? Вот я твоему отцу пожалуюсь, он тебе всыплет по первое число!

– Папа считает, что детей бить не-пе-да-го-гич-но, – не остался в долгу мальчишка.

– Тогда уж научу тебя, как взрослым перечить! – вредная старуха потянулась за крапи-
вой.

Обычно в этот момент детвора с визгом разбежалась в стороны. Но не в этот раз. Вперёд вышла девочка с хвостиками – судя по количеству веснушек, сестрёнка белобрысого.

– А нам не разрешают чужих дядей и тётей слушаться. Папа говорит, бывают глупые взрослые, которые могут плохому научить.

Так Татьяну Владимировну ещё никто не оскорблял.

– Ах ты! – взвизгнула она, замахиваясь крапивой.

А мальчик звонко закричал:

– Папа-а-а!!!

За забором залаяла большая собака.

– Папа сейчас с Лордиком придёт, – пояснила девочка.

И представляете – Татьяна Владимировна опустила руку, плюнула и заковыляла к своей калитке. Она была грозной только с теми, кто не мог себя защитить, а получив отпор, быстро сдулась.

– Что, съела, мымра?! – Пушок от восторга захлопал крыльями. – А неча обижать слабых. Ты чего не радуешься, Тая?

– Да боюсь, как бы бабка злобу не затаила. Не зря же она Бабая поминает по поводу и без. И он приходит... Нужно за ней проследить.

– О, это я запросто! – коловерша затанцевал на подоконнике, предвкушая очередное приключение. – Детектив Пушок отправляется на миссию под прикрытием! Если что узнаю – сразу сообщу. Готовь плюшки за труды.

Расправил крылья и – фр-р-р – улетел. Только его и видели.

Убедившись, что у детишек всё в порядке, Тайка закрыла окно. Надо было замесить тесто. Заодно и ребят угостить. Если, конечно, папа разрешит им взять сладости у тёти ведьмы.

* * *

Пушок вернулся ближе к вечеру – словно ждал, когда плюшки поспеют. Первым делом влез мордочкой в плошку с сахарной пудрой, а когда отчихался, затараторил:

– Ох, Тая, не зря мы мымру подозревали! Призвала она Бабая-то. Сам видел. Возле её дома с мешком шастает, кричит, страшную песенку поёт.

– Какую ещё песенку?

– А вот такую: *«Приду в ночи беззвёздной – рыдать и плакать поздно. Не спрячешься, дружок: иди ко мне в мешок»*.

Дело принимало серьёзный оборот. Тайка задумалась, припоминая: чего не любит Бабай? Смелых людей, например, – это у них с Татьяной Владимировной общая черта... Кстати, в лицо ему, говорят, лучше не смотреть, чтобы не увидеть то, чего больше всего на свете боишься. Такое уж у Бабая свойство.

– Я иду туда. Пушок, ты со мной?

Глаза коловерши округлились от ужаса.

– Э-э-э... Тая, я не уверен, что в последнее время вёл себя достаточно хорошо. Цветок уронил – это раз. Штору когтями подрал – два. Третьего дня ещё и смородину объел. Да, знаю-знаю, на птичек сваливал, но раз уж мы говорим начистоту... ты только не ругайся! Признание облегчает вину.

– Чего уж тут ругаться? – пожала плечами Тайка. – Ты сам знаешь, что набедокурил.

– Нельзя мне идти. Бабай заберёт, – Пушок закрыл морду лапками. – Я был непослушным коловершей.

– А ты точно его видел? Близко подлетал?

– Не подлетал. Я что, себе враг? Но клянусь всеми ватрушками мира – это он. Слышишь, у меня сердце до сих пор от страха колотится!

– Ясно. Значит, пойду одна.

Вдвоём с Пушком, конечно, было бы спокойнее. Им всё-таки уже приходилось противостоять страшной нечисти. Помнится, и с упырем сражались, и с лихом... Но у всякого храбреца есть пределы смелости.

– Не ходи, – коловерша отчаянно вцепился когтями в её рукав.

– Не могу. Я же ведьма-хранительница. Это в детстве мы могли от Бабая бегать, а теперь настало время встретиться с ним лицом к лицу.

– У меня есть идея получше. Пойдём к мымре, припрём её к стенке и велит Бабая отозвать.

– А если она откажется, что? В полицию на неё заявишь?

– Слу-у-ушай, а может, на неё саму Бабая натравить? Она ведь тоже не была хорошей бабушкой. Пускай получит, что заслужила!

– Мы тогда будем ничем не лучше её, – Тайка уже шнуровала кроссовки.

Что же взять с собой? Ни обереги, ни серебро не помогут. Нужно что-то, что добавит уверенности. Например, бабушкина тетрадка – она уже столько раз Тайку выручала. Меч-кладенец тоже пригодится, если придётся сражаться. Он, конечно, своенравный и вечно превращается то в ложку, то ещё в какую-нибудь ерунду, но в час серьёзной опасности ни разу не подводил. Вздохнув, Тайка поправила на пальце колечко, подаренное Яромиром. Оно не обладало волшебными свойствами, но хранило тепло воспоминаний и тоже придавало смелости. И всё-таки чего-то не хватало...

– Ладно, всё-таки я с тобой, – голос Пушка дрогнул. – И веник возьму. Против веника никто не устоит!

– Ты мой герой, – Тайка чмокнула его в макушку.

Перед лицом грядущей опасности ей не хватало именно верного друга. Даже если он всего лишь маленький коловерша.

* * *

Таясь и озираясь, они дошли до дома Татьяны Владимировны. Несмотря на поздний час, в окнах ещё горел свет и за занавесками то и дело мелькал старушечий силуэт.

– Смотри, Тай, – не спит. Козни строит, – прошептал Пушок, нервно переминаясь на Тайкином плече. Ух, хоть бы когти прятал, что ли!

– А где Бабай? Мы уже вдоль забора кругом обошли.

– Не знаю. Может, смылся? Или во дворе спрятался? Нас увидел – и в кусты. Точно! У нас же веник!

«Или его с самого начала не было, а у некоторых от страха глаза велики», – подумала Тайка, но вслух этого, конечно, говорить не стала. Зачем обижать друга?

– Тогда домой? – Ей хотелось поскорее вернуться в кровать. Ведь под спасительным одеялом тебя никакой Бабай не найдёт.

– Раз уж пришли, давай посмотрим, чем мымра занята? – предложил Пушок. – Не входя, а так, одним глазком в окошко. Может, они там с Бабаем чай гоняют и обсуждают коварные планы!

– Ты забыл, что Татьяна Владимировна не ведьма, а просто вредная старушенция. Она нечисть даже не видит, если та сама не покажется.

– А ты сможешь спокойно спать, не проверив?

Нет, Тайка не смогла бы. Значит – вперёд! В конце концов, у них с собой целый арсенал оружия против ночных страхов. И даже веник! Что может случиться?

Осторожно отворив калитку, чтобы та не скрипнула, друзья проскользнули во двор – довольно неухоженный, надо сказать. Траву давно не косили, клумбы не пропальвали, поэтому звёздочки бархатцев терялись среди густых сорняков.

Тайка обогнула дорожку, чтобы не попасть в полосу света, подошла к дому и, встав на цыпочки, заглянула в окно. Что-о? Татьяна Владимировна пакует вещи? Неужели сбежать хочет?

– Тая! Бабай! – вдруг крикнул Пушок.

– Где?

– Прямо за спиной! А-а-а, спасите! – коловерша взмыл в воздух, вереща от ужаса.

Тайка обернулась и ахнула. На дорожке и впрямь стоял одетый в рваньё старик. На месте его лица колыхался чёрный туман, словно Бабай ещё не решил, какой облик принять. Тощими пальцами он распутал завязки на мешке. Вдруг налетел ветер. Тайке показалось, что её сейчас затянет внутрь, и она завизжала.

Тетрадка, Кладенец, колечко, даже веник – ничего не помогло. В висках билась единственная мысль: надо бежать! Тайка со всех ног бросилась на крыльцо, ворвалась в чужой дом (Пушок впорхнул следом) и, захлопнув за собой дверь, привалилась к ней спиной, тяжело дыша.

– Кто там? – раздался скрипучий голос Татьяны Владимировны. – У меня ружжо есть, стрелять буду!

– Не стреляйте! Это Тайка, соседка. Простите, я... – она замаялась, не зная, чем оправдать поздний визит. Не Бабаем же?

Бледная Татьяна Владимировна выглянула в сени. В её руке Тайка заметила тяжёлый медный подсвечник, совсем не похожий на ружьё.

– Ты тоже это видела? – Татьяна Владимировна кивнула на дверь.

– Бабая? Ага.

– Выходит, я не сошла с ума... Ну или мы обе спятили. А может, ты с ним заодно? – старуха подозрительно прищурилась.

– Нет. Я просто вижу нечисть. С детства. И я пришла помочь, – замахала руками Тайка.

Она видела, что Татьяна Владимировна очень напугана. Наверное, держится из последних сил.

– Эй, Тая! Мы не сюсюкать пришли, а вывести эту мымру на чистую воду, – зашипел Пушок. – Это она Бабая призвала, я уверен.

Скорее всего, коловерша был прав. Но вряд ли Татьяна Владимировна сделала это нарочно. Угрожая другим разными кошмарами, можно было запросто угодить в собственную ловушку.

– Вы пугали детей Бабаем, вот он и явился, – Тайка невольно подражала интонациям строгой школьной математички.

– Ерунда. Я и раньше так говорила! – Татьяна Владимировна фыркнула. – И не без причины, между прочим. Проучить надо этих фулюганов.

– А он и приходил. И детей пугал. Просто вы не замечали.

– Почему же сейчас заметила?

Конечно, Татьяна Владимировна ей не верила. Даже столкнувшись с нечистью нос к носу, люди предпочитали думать, что у них галлюцинации или что-то вроде.

– Может, потому, что вы были не очень хорошей бабушкой? – Тайка припомнила версию Пушкина. – Много обидных слов людям наговорили. Вот зло и накопилось, а теперь воплотилось. И обернулось против вас.

– Ты что это, воспитывать меня вздумала, малявка! – грозно выпучилась мымра.

– Не я, а Бабай. И это вы впустили его в деревню, – интонации математички удавались Тайке всё лучше, и Татьяна Владимировна совсем стушевалась. Видать, не привыкла, чтобы её отчитывали.

– И что же теперь делать? Я вот уехать думала...

Хотела бы Тайка знать верный ответ. Сказать «просто не бойтесь» – легко. А попробуй действительно перестать бояться!

– Уехать – не поможет. Страхи найдут вас, где бы вы ни прятались. Тут надо придумать что-то другое...

Теперь Татьяна Владимировна смотрела на неё жалобно.

– Помоги, дочк.

Уже не малявка, значит, – торжествующе подумала Тайка и сама себя одёрнула. Да, старуха была вредной и попортила соседям много крови. Но только сейчас Тайка поняла – та была ещё и очень несчастной. Потому что, когда человек доволен жизнью, ему даже в голову не придёт доставать других. А уж оскорблять ближнего почём зря – это вообще удел неудачников.

– Я знаю, что делать, – Тайка протянула ей руку. – Вы должны выйти во двор.

– Ни за что! – Татьяна Владимировна топнула ногой. – Уморить меня хочешь, коза?

– Вам же потом самой лучше будет, – Тайка уговаривала её, как ребёнка, который не хочет принимать лекарство. – Бабай вам ничего не сделает, вот увидите.

– Тая, ты чего несёшь? – пропыхтел Пушок, но Тайка отмахнулась, мол, не мешай.

– Знаю, решиться непросто. Но вы должны взглянуть правде в лицо, чтобы...

– Да ты точно заодно с чудовищем, мерзкая девчонка. Ух я тебе! – Татьяна Владимировна замахнулась подсвечником. В этот миг она была даже страшнее Бабая, и Тайка, не думая, пулей вылетела наружу.

– Подожди меня-а-а! – Пушок устремился следом.

Позади бушевала мымра, а впереди стоял... да-да, жуткий Бабай с мешком.

– Тай, я веник потерял. Надо вернуться поискать.

– Брось. Идём, – Тайка пошла вперёд.

И пусть поджилки трясутся – она не струсит. И коловершу вдохновит своим примером.

Шаг. Другой. Только не поддаваться.

– Это не наши страхи, Пушок. Они чужие, – Тайка вплотную подошла к Бабаю. – Нам до них нет дела.

И представляете – Бабай съёжился, став вдруг маленьким, нелепым и совсем не страшным. На месте чёрного тумана появилось сморщенное, как печёное яблоко, личико.

– Иш-шь, ш-шельма, – беззубо прошамкал Бабай. – Ну скаш-ши, чаво боиш-шься?

Тайка с Пушком ушли, не удостоив его ответом.

* * *

Татьяна Владимировна уехала первым же утренним автобусом. Тайка с Пушком тайком проводили её до остановки.

– Смотри-ка! Неужто там наверху Бабай? – ахнул коловерша.

Старик сидел на крыше автобуса и, болтая ногами, напевал: *«Не спрячеш-шься, друш-шок: иди ко мне в меш-шок. Боиш-шься – так и знай, придёт к тебе Бабай».*

Двери закрылись.

– Я одного не понимаю, – Пушок проводил автобус задумчивым взглядом. – Как ты догадалась, что надо идти навстречу страху, а не бежать от него? А вдруг Бабай тебя съел бы?

– Ведьминское чутьё сработало, – Тайка присела на лавочку. – Уж сколько лет вся деревня боялась Татьяну Владимировну. Даже моя бабушка старалась с ней не связываться – мол, себе дороже. А эти двое детишек не знали, что нельзя, – вот и дали отпор. Когда я шла на Бабая, я думала о них. И о том, что, если бы мне не сказали, что этот старик ест детей, мне бы такая чушь и в голову не пришла. Как видишь, сработало.

Коловерша соорил бровки домиком.

– Но мы всё равно проиграли, да? Мымру не перевоспитали. Если бы ей хватило смелости выйти вместе с нами и посмотреть в лицо Бабаю – может, она стала бы счастливее. И уезжать бы не пришлось.

– Непросто менять старые привычки. Особенно – за одну ночь. Когда человек всю жизнь боится и не даёт себе жить как ему на самом деле хочется, он будет завидовать окружающим и злиться на них. А потом захочет всё поломать и сделать других такими же несчастными.

– А-а, тогда хорошо, что она уехала.

– Действительно, хорошо. Сменит обстановку, встретит новых людей и, глядишь, задумается, стоит ли с ними отношения портить и своего Бабая пестовать. А насильно кого-то перевоспитывать – дело неблагодарное. Не успеешь оглянуться, сам начнёшь непрошенные советы давать да крапивой размахивать.

– Бр-р-р, нет уж, – покачал головой Пушок. – Не будем уподобляться. Теперь я понял, Тая: всем надо принимать лекарство от вредности. Про-фи-лак-ти-чес-ки! Какое? Да вот же оно, у тебя в пакетике. Дай ещё плюшку, а?

Пёсье племя

Пушок с утра пребывал в дурном настроении. Он даже свежим – с пылу с жару – плюш-кам не обрадовался. Подцепил одну когтем, вздохнул и проглотил, не смакуя. А надобно заметить, что такое с коловершей случалось нечасто. Если вообще случалось.

– Ты чего такой смурной? – забеспокоилась Тайка. – Заболел, что ли? Может, чайку с малиной сделать?

Пушок покачал головой. Нет, ну точно заболел! Кто же в здравом уме от малинового варенья откажется?

– Просто не выспался, – недовольно буркнул коловерша.

– Так иди сейчас поспи. Тебе же в школу не надо.

– Кстати, а ты почему ещё здесь? Время видела? – Пушок захлопал крыльями. – Только не говори, что опять прогуливаешь алгебру!

Ага, значит, тему разговора сменить хочет. Не выйдет! Тайка его видела насквозь.

– Ничего я не прогуливаю. Мне сегодня к третьему уроку. Признавайся, почему не спал? Кошмары снились?

– Нет, я дом охранял, – коловерша выпятил грудь.

– От кого? – Тайка почесала в затылке. – У нас тут вроде всё спокойно. Нечисть не балует.

А в деревне все свои. Я даже дверь на ночь не всегда запираю.

– Вот то-то и оно, – напустился на неё Пушок. – Заходи кто хошь, бери что надо. Это не дело, Тая!

– У нас и брать-то нечего.

– Да? А котлеты в холодильнике?

Тайка хихикнула, представив, как ночной вор в натянутой на глаза маске тырит со сковородки котлеты и складывает их в большой мешок.

– Еду возьмёт только очень голодный человек. Попросить, конечно, было бы вежливей. Я бы угостила. Нельзя отказывать тому, кто голоден, понимаешь?

– Но это был не человек! – фыркнул Пушок.

О, Тайка хорошо знала этот взгляд. Коловерша презрительно шурился всякий раз, когда речь заходила о собаках. Ещё и приговаривал: «Фу, пёсье племя!»

– Неужто Снежок забегал? – она забеспокоилась. Снежка могла прислать только Алёнка. А вдруг у подруги что-то стряслось?

– Нет, к нам пыталась проникнуть совершенно чужая псина! Рыжая, наглая, ушастая. Этот... как его? Во, вспомнил: кокер-спаниель, – Пушок в негодовании шкрябнул когтями по столу. Послышался треск ткани, и Тайка вздохнула. Ладно, она всё равно собиралась менять эту скатерть.

– В Дивнозёрье ни у кого нет спаниелей. Значит, от дачников забегал. Ой, может, он потерялся? Надо скорей его найти! Хозяева, небось, с ног сбились.

– Или нет, – Пушок пожал плечами. – Тай, на дворе осень. Дачники разъехались по домам. Или не помнишь, как ты в прошлом году брошенных котиков пристраивала?

– Ага, и ты, помнится, мне помогал.

– Конечно. Я же сам наполовину кот. Но собака – совсем другое дело. Пускай этому рыжему-бесстыжему похитителю котлет Алёнка помогает. Она как раз собачница. И сердо-большая.

– Пушок, ты не прав! – Тайка аж вскочила. – Надо было меня разбудить. Если этого спаниеля действительно бросили, он, должно быть, очень голоден. Вот только представь: тебя бы неделями не кормили? А потом кто-то пожалел для тебя котлету. Тебе бы понравилось?

– Ну я-то лучше собаки, – коловерша нахмурился.

– Для меня ты самый лучший, – кивнула Тайка. – Даже когда бедокуришь. И никакая собака тебя не заменит, это факт. Но с этой своей ненавистью к пёсьему племени заканчивай. А то ты прямо как дивий царь Ратибор, который ненавидит навьих лишь за то, что они навьи. Нельзя так! Собаки бывают разными, как и коты. Как и люди. Характер и добрая душа не зависят от рода и племени, ясно тебе?

– Куда уж яснее, – Пушок поморщился. – Хочешь сказать, я зря всю ночь не спал, дом защищал?

– Может, и не зря, кто знает. Но нельзя обвинять собаку только за то, что она собака.

– Да понял я, понял. Не хочу брать пример с Ратибора. Очень уж он противный.

– Тогда идём искать твоего спаниеля.

– Он не мой, – вскинулся коловерша, но, встретив суровый Тайкин взгляд, кивнул. – Иду, иду. Вернее, лечу. Я же детектив Пушок. От меня ни одна псина не скроется, я их за версту чую.

* * *

Несмотря на заверения Пушка, спаниеля они не нашли. Даже следы лап смыл утренний дождь. Встреченные по дороге баба Ира и дед Фёдор тоже не видели в окрестности никаких посторонних собак.

– Может, тебе всё-таки приснилось? – после долгих блужданий по деревне не выдержала Тайка.

– Обижает! – распушился коловерша. – Явь от сна я уж как-нибудь отличу. Говорю тебе – наглая такая псина ломилась.

– И прямо всю ночь?

– Ну не всю, а ближе к рассвету.

– Значит, придётся просить о помощи Снежка. Нюх у него получше твоего будет.

– Ты это нарочно, Тая? Не щадишь моё самолюбие. Пирожки с тебя за это! С яблоками! Чтобы исцелить мою израненную душу.

– Будут тебе пирожки, – улыбнулась Тайка. – Но не потому, что я чувствую себя виноватой. Я не хотела тебя задеть, но у собак нюх и правда острее. Это не значит, что они лучше. Просто каждый делает то, что умеет.

Пушок задумался, потом кивнул:

– Это вроде как пригласить эксперта со стороны? Тогда я не против.

– Больше не дуешься?

– Нет. Мне и правда интересно, куда подевался этот несносный кокер-спаниель. Клянусь тебе, Тая, он точно был. Так рвался, а теперь вдруг исчез. Ох, не к добру это.

– Я тебе верю, – Тайка почесала Пушка за ухом. – Наверное, я слишком крепко спала, чтобы услышать, как он скулит или лает. Он же лаял?

– Хм... вообще-то, нет. Что странно для такой настырной собаки. Теперь припоминаю, что он только скрёбся в дверь, а сам не издавал ни звука. Думаешь, эту информацию стоит приобщить к делу? – Пушок поскрёб когтем подбородок.

– Не знаю. В конце концов, бывают и молчаливые псы. У маминой знакомой жил волкособ. Это наполовину волк, наполовину собака. Он вообще никогда не лаял. Не умел потому что.

– Ой, какие ты ужасы рассказываешь. Волкособ! Чего только в жизни не бывает, – поёжился коловерша. – Идём уже!

– Только Алёнки, наверное, дома нет. Ей же к первому уроку. Ладно, значит, сами со Снежком потолкуем, – Тайка бодро зашагала к дому подруги, а Пушок полетел следом, бормоча что-то себе под нос.

* * *

Алёнка была дома. Оказалось, проспала. Выбежала навстречу, на ходу натягивая кроссовок и запихивая в рот булочку.

– Ой, Тай, я опаздываю. Снежок? Он вроде у сарая за курами присматривает. Сами договоритесь, ладно? – и убежала.

Маленький симаргл Тайке обрадовался. Поставил лапы ей на плечи и облизал лицо. Попытался лизнуть и Пушка, но тот увернулся.

– Давайте без вот этих собачьих нежностей. Слышь, мохнатый, дело есть!

Выслушав, что от него хотят, Снежок обрадовался ещё больше и прогавкал:

– Гулять! Нюхать! Искать! – Подумав, добавил: – И сухарик!

Сухарик для симаргла нашёлся у Тайки в кармане. Тот мгновенно схрумкал угощение, и друзья отправились на поиски.

Сперва Снежок несколько раз обежал вокруг дома, порыл носом землю возле крыльца, чихнул, ещё порыл. Спугнул залившимся лаем пару ворон.

– Не отвлекайся, – пожурил его Пушок. – Ты теперь не просто какой-то там пёс, а настоящая полицейская ищейка. Мы на тебя надеемся.

Увы, надеждам не суждено было оправдаться. Снежок ещё немного покружил и пролаял:

– Дождь! Всё смыл! Следов! Нет!

– Эх ты, а ещё ищейка, – Пушок был очень разочарован. – Говорил же я, никакого толку от пёсьего племени.

– Неправда! – обиделся Снежок.

И Тайка его поддержала:

– Не надо требовать невозможного. Иногда что-то не получается сделать ну просто потому, что не получается. И в этом нет ничьей вины. Значит, будем искать другой способ.

– Я придумал! – Пушок задрал нос. – Если этот спаниель брошенный, может, он не доверяет людям и нарочно прячется. Давай положим на крыльце котлету, а сами спрячемся. А как придёт – выскочим и хорошенько его допросим.

– Ладно, но вечером, после школы, – Тайка отвела Снежку домой, махнула Пушку рукой и поплелась на занятия.

Мысль о таинственной собаке её не отпускала. Казалось, вроде бы пустяк. Всего делов: покормить да пристроить в хорошие руки. Но ведьминская интуиция никогда не подводила, поэтому после уроков Тайка не бежала, а прямо-таки летела домой.

– Ну как? – прокричала она с порога.

– Тише ты, – Пушок, зевая, выглянул из-под короткой занавески.

– Ты спишь, что ли?

– Не просто сплю, а готовлюсь к засаде. Есть разница! – коловерша сладко потянулся на подоконнике. – Детектив должен идти на дело хорошо отдохнув и поев. И я уже готов перейти ко второму пункту, пожалуй. Что у нас на ужин?

На ужин была жареная картошечка и пресловутые котлеты.

– А псина знает толк в кулинарии, – Пушок насаживал кусочки на когти, как на вилку. – Котлетки-то отменные!

– Смотри не сломай всё.

– Как можно! Они же нужны для следствия. Ну... хотя бы одна. Да, знаю, я проглот...

Он так мило смущался, что Тайка махнула рукой.

Единственную оставшуюся котлету положили на блюдечко и выставили на крыльцо. Пушок настаивал поставить над ней коробку на палочке и ниточку привязать. Дескать, спани-

ель полезет, дёрнет за нитку, тут-то коробкой его и прихлопнет. Но Тайка покрутила пальцем у виска:

– Ты чего? Это совсем дурачком надо быть, чтобы в такую простую ловушку попасться.

Лучше я спрячусь со стороны двери, а ты ныряй под крыльцо.

– Да-да, перекроем преступнику все пути отступления.

– Пушок, эта собака – никакой не преступник.

– Она хотела украсть нашу еду!

– Но не украла же. Как детектив, ты должен отличать намерение от поступка.

– Посмотрим, посмотрим, – ворчал Пушок, втискиваясь между досками. – Ой, что-то крылья не помещаются...

Вообще-то, это были не совсем крылья, но Тайка не стала уточнять. А то они ещё долго пререкались бы, что кто-то (рыжий и пушистый) слишком много ест.

Худо-бедно Пушок спрятался. Тайка тоже шмыгнула за дверь и притихла. Время в засаде тянулось медленно, котлета лежала и пахла, ничего не происходило.

Только когда зашло солнце и улицу укутали синие сумерки, Тайке показалось, что она слышит шаги на садовой дорожке. Как будто кто-то делает когтями «кляц-кляц». Очень хотелось выглянуть, но она боялась спугнуть бедного пса.

Ожидание принесло плоды. Сперва из-за стены показался любопытный чёрный нос, потом кудлатые рыжие уши и затем весь спаниель. На шее у пса красовался коричневый ошейник с заклёпками. Значит, домашний. Или когда-то был домашним.

Озираясь по сторонам, спаниель поднялся по лесенке, понюхал котлету, но есть не стал, а вместо этого заскрёб лапами в дверь.

Из-под крыльца раздалось недовольное шипение Пушка, и пёс вздрогнул. Тайка поняла: пора – и открыла дверь.

– Привет, собакен, – она присела на корточки. – Ты чего? Потерялся? Покушай давай.

Тайка потянулась к блюдечку, но спаниель, мотнув головой, ухватил её за рукав и потянул.

– Ты хочешь, чтобы я пошла за тобой?

Пёс кивнул. Нет, правда. Может, совпадение, конечно...

– Хочешь мне что-то показать?

Спаниель снова кивнул и отбежал в сторону, показывая дорогу.

– Не ходи за ним, Тая! – завопил Пушок из-под крыльца. – Это... это же пёс знает что!

– Вылезай – и за мной, – скомандовала Тайка.

– Не могу. Я застрял.

– Ты прикальваешься?

– Нет, честно. Но есть новости и похуже. От этого существа не пахнет собакой. Оно притворяется, чтобы тебя завести. Не ходи-и-и!

– А вчера ночью пахло?

– Я не принюхивался, – прокряхтел Пушок. – Я вам что, нанимался каждую собаку нюхать?

– Тогда вылезай и догоняй, – Тайка смело зашагала по дорожке вслед за псом.

Они миновали калитку, проследовали до конца улицы и повернули к лесу. Вот тут Тайке, признаться, стало немного не по себе.

– Ты меня в лес ведёшь? – дрогнувшим голосом уточнила она.

Опять кивок. Надо же!

– А зачем? Чтобы съесть? Хочешь причинить мне вред?

Пёс замотал головой.

– Ты можешь говорить, ничего не опасаясь, – Тайка нашла в себе силы улыбнуться. – Я ведьма и хорошо понимаю язык животных.

Но спаниель ничего не ответил, только ускорился. Теперь Тайке приходилось бежать за ним следом, перепрыгивая через корни деревьев и кочки.

Ага, знакомая поляна. Ещё одна. А вот и овраг. Говорили, в нём водятся ауки. Неужели вредный лесной дух умеет превращаться в собаку?

Тайка однажды уже встречалась с аукой, и ей тогда совсем не понравилось. Спасибо, жива осталась...

– Сто-о-ойте! – донёсся откуда-то сзади истошный вопль Пушка. Догнал всё-таки.

Беспокойство улеглось: всё-таки хорошо, когда верный друг рядом. Тайка на всякий случай нащупала в кармане ветровки серебряный ножик, с которым с некоторых пор не расставалась. С таким оружием никакая нечисть не страшна. В конце концов, она и колдовать умеет. Даже Лихо одноглазое одолела! И с упырём сражалась. Неужели с каким-то аукой не сладит?

Спаниель кубарем скатился в овраг и... пропал.

– Где он? – Подлетевший Пушок плюхнулся ей на плечо.

– Не знаю...

– Говорил же: заведёт. У-у-у, пёсье племя!

«Похоже, ты был прав», – хотела сказать Тайка, но не успела. Со дна оврага вдруг раздался тихий стон.

– Там кто-то есть, – зашептал коловерща, щекотно тыча усами в ухо. – Тая, уходим. Оно щас выпрыгнет!

– Нет, надо посмотреть, – Тайка тоже перешла на шёпот.

– Ой, до чего ты упрямая!

– Я ведьма-хранительница, забыл? И если кому-то нужна наша помощь...

Договорить она не успела. Со дна оврага – ну словно по заказу – простонали:

– По-мо... ги-те.

Тайка подошла к краю и с опаской глянула вниз. Коленки дрожали, но сердце билось ровно. Она знала, что никогда не простит себе, если сейчас развернётся и уйдёт.

– Тут кто-то есть? – она посветила фонариком смартфона.

– Да... кажется, я сломал ногу.

Теперь Тайка разглядела незнакомого парнишку – примерно своего ровесника.

– Кто ты? Как здесь оказался? – она нахмурилась.

А парнишка вдруг ахнул:

– Я тебя знаю. Ты Тайка, да? А я – Паша. Из Михайловки. Мы на экскурсию вместе ездили в музей краеведения? Ну, ваша школа и наша школа, помнишь? – Голос его был слабым и дрожащим, но теперь в нём появилась надежда.

– И ты меня за косы дёргал. – Теперь Тайка вспомнила. Давно дело было, классе в седьмом, что ли. Но теперь белобрысый задира всплыл в памяти. Ух она тогда и разозлилась!

– Только не уходи, – простонал Паша. – Я тогда глупый был. Прости.

– Я на минуточку, – Тайка вздохнула, оглядываясь. – Одна я тебя не вытащу. Тут кое-кто посильнее нужен.

Она отошла в сторонку и тихонько позвала:

– Гриня! Если слышишь меня – явись.

Тут зашелестели травы, по кустам пронёсся ночной ветерок, уронив Тайке на голову пару листьев. Лес передавал просьбу своему хозяину.

– Что стряслось, ведьмушка?! Али на праздник какой решила позвать? Вроде Осенины уж миновали.

Ой, она и не заметила, как на замшелом пне возник леший. Весёлый, бородатый, ясноглазый, в своей любимой потёртой косухе.

– Не до праздников нынче. Тут парнишка знакомый в беду попал. Нужно до деревни дотащить. Только ты, это... не вздумай говорить, кто ты на самом деле.

– Обижает, ведьмушка! Нешто я дурачок какой. Ясен пень – молчок так молчок. – Гриня изобразил, будто застегнул рот на молнию. – Ну, показывай, где твой бедолага.

Для такого силача, как Гриня, вытащить Пашу из оврага было парой пустяков.

– Я же тяжёлый, – попытался запротестовать тот, когда леший, недолго думая, перекинул его через могучее плечо, словно котёнка.

– Таскали мы и потяжелее, – хохотнул Гриня.

Это было правдой. Бывало, леший и соснами швырялся, когда сильно гневался. Хорошо, что характер у него был обычно незлобивый и благостный.

– К фельдшеру его?

– Ага, – Тайка кивнула. – Видишь, как нога распухла? Тут без гипса не обойтись.

– Ща. Пошепчу тока. – Леший действительно что-то прошептал, и к щекам Паши прилила кровь, а гримаса боли сошла с лица.

Пока они шли по лесной дороге, Гриня мурлыкал под нос песенку. Паша повис на его плече, смирившись со своей участью. Но от Тайки отворачивался, словно ему было стыдно. А чего стыдиться-то? Со всяким может случиться.

– Если что, я давно не злюсь, что ты меня за косу дёрнул, – решила Тайка его успокоить. – Меня и другие мальчишки обижали. Но потом я научилась защищаться.

– Я теперь перед тобой в долгу, – вздохнул Паша. – Если будет кто приставать, смело зови. Из самой Михайловки прибегу, вот увидишь!

– Сначала ногу подлечи, герой, – фыркнула Тайка.

– Тая, ты ему нравишься, – замурчал на ухо Пушок, старый сводник.

Пришлось дёрнуть плечом, чтобы заткнулся. Придумал тоже!

– Как хорошо, что ты меня нашла, – Паша улыбнулся. – Я уж боялся, что буду там лежать, пока от голода не помру. К тётке Дарье за яблоками шёл. Мамка послала. Решил путь срезать, и – вот. Не повезло.

– Ой, пустяки. Я не сама нашла, меня собака привела, – отмахнулась Тайка. Теперь она была уверена, что это был самый обычный спаниель. Даже понятно чей. Странно только, что пёс убежал. По идее, должен был остаться рядом с хозяином.

– Какая собака? – удивился Паша. – Я не видел никакой собаки.

– Ну, спаниель. Рыжий такой, кудлатый. Разве не твой?

– Вообще-то, у меня действительно был спаниель, – Паша шмыгнул носом. – Только в прошлом году ушёл по радуге. Старый был... Мне его папка подарил, когда я ещё в школу не ходил. С самого детства вместе.

– Ох, сочувствую, – Тайка опустила глаза. – Тяжело терять друзей.

– Вот ты понимаешь! – встрепенулся Паша. – Мамка говорила: чего ты нюни распустил, это же просто собака. А Рыжик – не просто собака, а друг. Я ему ошейник сам сделал. Коричневый, с заклёпками.

Услышав это, Тайка аж с шага сбилась. Вряд ли это было совпадением. До Пушка тоже дошло:

– А-а-а, Тая! Как мы сразу не догадались. Это же был пёс-призрак. Вот почему он не скулил и не лаял.

Паша ещё что-то рассказывал про любимого пса. Тайка кивала, но не слушала, потому что на глаза навернулись непрошенные слёзы. Конечно, она слышала, что ушедшие питомцы порой остаются в мире людей, чтобы хранить своих хозяев от бед, но сегодня впервые увидела это воочию.

– Ух, пёсье племя, – задумчиво произнёс Пушок. – Верные они. Уж чего не отнять, того не отнять.

Тайка украдкой обняла коловершу. Ничего не сказала, чтобы Паша не подумал, что она сама с собой разговаривает, но Пушок всё понял без слов.

– Я тебя люблю. И никогда не брошу. Ведь мы, коловерши, живём долго! И тоже очень-очень верные. Хорошо, что мы есть друг у друга.

Наконец показались огни Ольховки. В стоявшем на окраине доме фельдшера горел свет. Хорошо. Значит, они никого не разбудят.

Сама не понимая зачем, Тайка обернулась. На дороге стоял спаниель и улыбался, как умеют улыбаться только очень счастливые собаки.

– С Пашей всё будет хорошо, Рыжик, – прошептала Тайка одними губами. – Ты молодец, что привёл меня. Хороший мальчик.

Спаниель завилял хвостом и пропал во тьме. Но Тайка знала – он где-то рядом. На страже. Охраняет своего хозяина от всех бед на свете.

Шоколадожорка

Уж кого Тайка не ожидала увидеть вечером у себя под дверью, так это тётю Валю – вечно недовольную продавщицу из дивнозёрского магазина. Вот её сменщица Лика – приветливая и улыбочивая, всех знает, у всех спросит, как дела, как здоровье... а тётя Валя всегда глядит исподлобья так, что заранее себя виноватым чувствуешь. Бывают, знаете, такие люди с тяжёлым взглядом...

Сперва Тайка испугалась, что её будут ругать, и только потом сообразила, что вроде бы не за что. Ну правда, какое дело продавщице до её поздних возвращений или плохих оценок?

А тётя Валя даже не поздоровалась, сразу с порога к делу перешла:

– Слышь, а правду говорят, что ты экстрасенс, или брешут?

Тайка несколько опешила, а опомнившись, замотала головой:

– Э-э-э... не совсем. Точнее, совсем нет. Я ведьма вроде как. – Она повернула ключ в замке.

– Знахарка, что ль? – грубый голос тёти Вали прозвучал разочарованно. – Типа хвори всякие лечишь травками да припарками? Ну нет, мне экстрасенс нужен.

Она начала спускаться с крыльца, и Тайка уже ей в спину спросила:

– А вам зачем?

Тётя Валя вздрогнула и развернулась так резко, что Тайка аж голову в плечи втянула – ей показалось, что пожилая грузная женщина сейчас ка-а-ак замахнётся...

Спустя мгновение ей стало ясно: это не враждебность, а страх. Настойчивые поиски «экстрасенса» наводили на мысли, что без нечисти тут не обошлось...

– Полтергейст у меня, – подтвердила тётя Валя её догадку.

– Где? Дома?

– В магазине. Лика велела к тебе обратиться. Поможешь?

– Может, чайку? – Тайка распахнула дверь.

Она из вежливости спросила, потому что бабушка так учила. Мол, дела с наскоку не делаются, сперва надо гостя успокоить, потом расспросить. Даже если этот гость тебе не очень-то нравится.

Тётя Валя шагнула через порог, даже не подумав снять резиновые сапоги или расстегнуть сиреневую пуховую кофту:

– Я сюда не чаёвничать пришла. Спрашиваю, можешь или нет? И почём, кстати, берёшь?

– Да я вроде как бесплатно, – Тайка в растерянности развела руками.

Ну почему с некоторыми людьми так тяжело?

– Это ты зря, – тётя Валя приподняла уголки губ, вышла какая-то недоулыбка. – Когда своё дело знаешь, оплату брать – не грех. Хорошо хоть работаешь?

– Да вроде пока никто не жаловался, – Тайка ничего не хотела обещать этой хмурой женщине. Раз у них с самого приветствия не заладилось, то дальше будет не лучше.

– Хорошие отзывы – это важно, – кивнула тётя Валя. – Ладно, слушай: у нас на складе с неделю назад завелось... нечто. Вроде никого не видать, а паштетов недостача, и только упаковки пустые повсюду. А порой слышу – половицы скрипят, будто кто-то ходит, сопит, кричит, а никого не видать. Хозяин смеётся, мол – пасюки серые Валюху напугали. А я не из пугливых вообще-то. Вчера опять сунулась, так мне жестянкой в лоб прилетело. Вон какая шишка под волосами, смотри! Сама понимаешь, в деревне живём – знаем, что крысы в людей жестянками не кидаются. Значит, полтергейст.

– М-м-м... а больше ничего подозрительного не случилось? – Для того, чтобы делать выводы, у Тайки пока было маловато данных.

– Оно конфеты любит, – тётя Валя понизила голос до шёпота. – Я сперва даже думала – дети влезли. Хворостину припасла, чтобы, значит, по заднице отоварить, когда ещё полезут. И опять, понимаешь, никого. Только фантики.

А вот это было вполне в стиле Пушки. Помнится, однажды Тайка застучала коловершу, когда тот стащил из магазина «сникерс», отчитала и заставила отнести деньги. Пушок, конечно, поклялся, что никогда больше не будет так делать, но вдруг опять не устоял?

Главный подозреваемый в это время спал на печке и в ус не дул. Тайка покашляла – ноль внимания. Тогда она изо всех сил грохнула сковородкой.

– А? Что? – Пушок вскочил на все четыре лапы. – Пожар? Ураган? Наводнение?!

– Так, значит, в магазине были обнаружены фантики, а конфеты кто-то съел? – громко переспросила Тайка у тёти Вали. Пускай коловерша теперь оправдывается.

– Тая, ты серьёзно думаешь, что это был я? – рыжий сластёна воззрился на неё с видом оскорблённой невинности.

Ему бы сейчас даже суровая продавщица поверила, если бы, конечно, могла его видеть.

– Килограмма четыре пропало, – вздохнула тётя Валя. – В основном «сникерсы».

– Ага, «сникерсы», – с нажимом повторила Тайка, упирая руки в бока. – Знаю я одного любителя...

– Клянусь, я ни при чём! – Пушок кувыркнулся с печи и завис в воздухе прямо перед лицом Тайки, мельтеша крыльями. – Я же обещал: больше никогда! Друзей подозревать очень плохо, Тая.

– А ещё этот полтергейст фантиком игрался. Будто котёнок невидимый, – вспомнила тётя Валя. – И я вот чего нашла.

Она протянула Тайке крапчатое перо.

– М-м-м, улика, – Тайка сурово глянула на Пушки.

Тот, в отчаянии закатив глаза, заложил вираж вокруг люстры (продавщица аж поморщилась, одёрнув рукава кофты: откуда сквозняк?) и, камнем пав на умывальник, взвыл:

– Меня подставили! Тая, идём скорее на место преступления. Детектив Пушок снова в деле. Я вычислю вора, и мы сдадим его участковому, правда? Правда? За хищение шоколадных запасов родины в особо крупных размерах и за клеветнические ин-тен-ци-и!

– Что?

– Ах да, я забыл, ты не понимаешь по-нашему, по-следовательно. За всякие безобразия, в общем.

– Ладно, давайте осмотрим склад, – согласилась Тайка.

– Прямо сейчас? – продавщица побледнела, но через мгновение взяла себя в руки. – Ну да. Когда-то же всё равно придётся. Лучше раньше, чем позже. Как раз хорошо: уже вечер, магазин закрыт.

Тайке стало жаль её.

– Вы можете остаться снаружи.

– Хотела бы, да не могу, – вздохнула тётя Валя. – Материальная ответственность – это тебе не хухры-мухры.

– Думаю, это барабашка, – коловерша всю дорогу тараторил, не переставая выдвигать версии. – Или, как вариант, кикимора-шоколадница.

– Такой не бывает, – шёпотом, чтобы тётя Валя не слышала, ответила Тайка.

Ей едва хватило сил, чтобы не рассмеяться. Ну Пушок и выдумщик!

– Если кикимора-яблочница тырит яблоки в саду, почему бы не быть кикиморе-шоколаднице?

– Ага, а ещё кикимора-капустница, кикимора-павлиноглазка и кикимора-моль! – она всё-таки прыснула в кулак, не удержалась.

– Всё бы тебе хиханьки... – проворчал коловерша. – Знаешь, какая нынче моль пошла? Ничем не брезгует. У деда Фёдора в шапке дыру проела. А шапка была син-те-ти-чес-ка-я! В общем, записывай версию: моль-шоколадожорка, особо опасная...

– Слушай, а это не могут быть твои друзья – дикие коловерши? Перья, невидимость, фантики, мясной паштет – вроде всё сходится.

– Исключено, – Пушок мотнул головой. – Они же отсталые, в лесу сидят, всего нового боятся, ещё и конфетами брезгуют, дурачки... Да не знают они, где этот магазин. Я даже Ночке не показывал. Слушай, может, там складовой безобразничает? Если есть домовый, значит, должен быть и складовой...

Его болтовня Тайку успокаивала. Уже у самого магазина Пушок заверил:

– Не дрейфь, Тая, я с тобой! Прорвёмся!

А вот у тёти Вали незримого помощника с языком без костей не было, поэтому она не сразу попала ключом в замок: вот как руки тряслись.

Щёлкнул выключатель – и ничего.

– Опять света нет, – тётя Валя сжала губы в тонкую линию. – Всю неделю пробки выбивает. Как думаешь, это тоже полтергейст?

Тайка пожалала плечами и осмотрелась. На первый взгляд в магазине всё было спокойно. Ну, насколько можно было оценить при свете фонарика в мобильном телефоне.

Пушок, сделав круг под потолком, вернулся на Тайкино плечо:

– На периметре тихо. Если кто и был, все попрятались. Боятся нас. И правильно делают! Ох, что-то я на разносолы эти насмотрелся, проголодался. Полетели уже домой ужинать?

– Мы ещё склад не проверили, – со вздохом отозвалась Тайка.

– Уверен, там тоже никого... – начал было Пушок, и тут – дзынь! – что-то стеклянное грохнулось об пол и разлетелось на осколки.

– Кранты соленьям... – ахнула тётя Валя, а Тайка сбросила с плеча рюкзак с ведьминскими вещами.

– Вот, возьмите. Это защитит вас, – она сунула тёте Вале в руки оберег.

В дверь склада с той стороны что-то бухнуло, послышался громкий топот.

– Новая версия: это тыгдымский конь, зуб даю! – Пушок нервно захихикал.

– Глупая была идея, – тётя Валя попяtilась, на ходу доставая из кармана старый кнопочный телефон. – Все на выход, и я звоню участковому. Воры там. Или ещё какие фулюганы. Говорят, давеча в Ольховке две дачи обнесли...

По правде говоря, Тайка была готова согласиться. В конце концов, не всё, что происходит в Дивнозёрье, обязательно связано с нечистью. Бывают и обычные человеческие преступники.

Коловерша тоже поддержал:

– Детектив Пушок отменяет операцию в связи с высокой криминогенной обстановкой в районе.

Но отступить они не успели. Дверь распахнулась, и оттуда с громким мявом выпорхнул серый с белыми пятнами коловерша размером с небольшой дирижабль. Летел он с трудом, припадая то на левое, то на правое крыло. На хвосте, словно белый парус, реял полиэтиленовый пакет, а по полу следом волочилась гирлянда сосисок.

– Это же Жорка-обжорка! – ахнул Пушок.

– Ты его знаешь? – Тайка повернулась к нему – и зря.

Потому что в этот момент сосисочный вор резко накренился под весом добычи, снёс крылом пару банок горошка и, вытаращив глаза, с воем впечатался прямо в Тайку. Бум! – они полетели вверх тормашками!

Тётя Валя взвизгнула так, что уши заложило, но не убежала и даже не хлопнулась в обморок, а схватила из угла швабру. Коловершу она, конечно, видеть не могла, поэтому наугад лупила туда, где по её мнению должен был находиться зловердный полтергейст.

Жорка в ужасе зашипел, пробуксовал лапами по скользкому полу и упал на спину, окончательно запутавшись в своих сосисках и пакетах.

Пушок, негодяй такой, хохотал до слёз. Потом, конечно, опомнился, помог Тайке встать и скомандовал:

– Преступник пойман. Сложить оружие!

А Тайка пояснила для тёти Вали:

– Хватит! У нас всё под контролем.

Продавщица недоверчиво покосилась, но швабру опустила:

– Значит, всё-таки полтергейст, а не фулюганы? – она дышала тяжело, словно после пробежки.

– Нечто между, – Тайка, присев на корточки, подняла серого ворышку на руки. Ух и тяжёлый! Не коловерша, а мейн-кун какой-то... – Больше он вас не побеспокоит. Ведь правда?

– Угу, – ухнул Жорка.

– Ты один?

– Угу.

– Стае своей скажи, чтобы не смели сюда соваться.

– Угу.

– Тая, он тебе сейчас на всё «угу» скажет, как попугай, – поморщился Пушок. – Только стая его слушать не станет. Ох, чую, придётся самому разбираться...

– Они не знают про клад, – фыркнул Жорка. – Я ж не дурак: сам нашёл – другим не выдавай.

– Не клад, а склад, – поправил Пушок, но дикий коловерша непонимающе растопырил уши.

– Я и говорю – клад. Я нашёл, а вы забрать хотите. Это нечестно!

– Как он вообще сюда попал? – недоумевала Тайка. – Ты же говорил, дикие коловерши людей боятся, в деревню не летают, сладкое не едят...

– За рыжиком проследил, – Жорка кивнул на Пушка. – Он притащил Ночке этот сне... сни... снаперс. Ночка есть не стала, а я – съел. И так мне понравилось, так понравилось... больше, чем валерьянка, во!

– То есть ты один слопал целых четыре килограмма конфет?

– Пф! Разве это много?

– А сосиски зачем стырил?

Жорка расплылся в улыбке, достойной Чеширского кота:

– Сосиски – это же святое. Очень уж они хороши после сладенького. Эй, может, развяжете меня уже?

– Не вижу препятствий. Подозреваемый сотрудничает со следствием, – согласился Пушок.

– Ой, да тут ещё и верёвка от торта на лапах. И сетка какая-то... От яблок, что ли? Мда, без ножниц не обойтись. Терпи теперь до дома, Жорка-шоколадожорка!

Остаток ночи Тайка занималась сперва освобождением, а после – просвещением коловершей. Она прочитала Жорке целую лекцию, что такое магазин, как туда попадают продукты, для кого они предназначены и почему воровать нехорошо, а можно только покупать. Она немного увлеклась, поэтому Пушок, невзначай потёршись о её плечо, заметил:

– Тай, он же котик неразумный. Откуда у котиков деньги?

Жорка тут же возмутился:

– У меня были! Помнишь? Я однажды пятак съел...

И тут Пушок заткнул ему лапой пасть.

Тайке это всё показалось крайне подозрительным, но допытываться она не стала: слишком уж невинный взгляд был у обоих. Значит, точно виноваты. И точно не сознаются.

Сочтя, что Жорка достаточно уяснил недопустимость магазинных краж, Тайка взяла с него честное слово больше так не делать, накормила ужином и отпустила восвояси.

– Надеюсь, он всё понял... – она затворила окно за ночным гостем.

– Может, и понял, но краденые сосиски с собой уволок, – наябедничал Пушок. – А с другой стороны, что с ними ещё делать-то? Не выкидывать же добро?

Что ж, в некоторых вопросах котики всегда остаются котиками. Даже если они коловерши.

А на следующий день к Тайке заглянула – кто бы вы думали? – тётя Валя.

– Вот, – она водрузила на стол пакет, – хоть пельмешков тебе налепила, коли ты деньгами не берёшь.

– Ой, спасибо! А я как раз голову ломала, что бы приготовить? Будет у нас сегодня пир!

– У кого это – «у нас», – прищурилась тётя Валя, – ты же вроде одна живёшь?

И пока Тайка лихорадочно соображала, как выкрутиться, махнула рукой:

– Ладно, не моё это дело. Пойду я...

– Может, всё-таки чайку? – На сей раз Тайка предложила не из вежливости. Вся неприязнь к этой суровой пожилой женщине испарилась вчера – когда та, схватившись за швабру, встала на её защиту. И пусть это оказался не полтергейст, а всего лишь непутёвый коловерша, но тётя Валя-то этого не знала!

– Не откажусь, – гостя скинула резиновые сапоги. – А то всё одна да одна. Так и одичать недолго.

– Разве у вас нет родных? – Тайка сперва ляпнула, а потом прикусила язык. – Простите, это не моё дело, да?

– Ты за мной-то не повторяй, повторяшка, – тётя Валя впервые улыбнулась по-настоящему. Оказывается, она умеет! – Бывает, что и старому у малого есть чему поучиться. К примеру, искренности. Теряем мы её с возрастом, а жаль... Впрочем, никогда не поздно исправиться, доверившись хорошему человеку. Там, глядишь, – и на душе легче станет. Эх, наливай чаю, Таюшка!

Ненастоящие сказки

Тайка вышла со школьного двора поздно – засиделась в читалке и сама не заметила, как за окном стемнело. Ох, небось Пушок с Никифором волнуются, куда она запропастилась. Она воткнула в уши плеер с любимым альбомом «Мельницы» и бодро зашагала по асфальтовой дороге, сплошь усыпанной пожелтевшими листьями. С неба моросил дождь – мелкий, осенний. Она накинула капюшон и втянула руки в рукава толстовки.

Когда один трек в плеере закончился, а следующий ещё не начался, Тайке вдруг почудились лёгкие шаги за спиной. Казалось бы: ну чего такого? Время ещё не позднее. Но сердце вдруг сжалось, пропустив удар. А своему чутью она привыкла доверять, поэтому осторожно опустила руку в карман, выключила музыку и прислушалась.

Нет, ей точно не почудилось: позади и впрямь кто-то крался. Тайка замедлила шаг. Её преследователь тоже замедлился, а стоило пойти немного быстрее – вновь ускорился. На всякий случай Тайка сжала в пальцах оберег, мысленно пытаясь себя успокоить. Она ведь уже столько раз по этой дороге одна ходила, и ничего. К тому же местная нечисть на ведьму нападать не станет – побоится. А заезжая... ну, тут всякое возможно. А ведь ещё может быть нечисть, а просто дурной человек... На спине выступил холодный липкий пот, дыхание участилось. Нет, Тайка больше не могла этого выносить: она резко развернулась, готовая дать отпор любому чудищу.

Тёмная тень, следующая за ней по дорожке, от неожиданности взвизгнула тонким девичьим голоском, и Тайка с облегчением выдохнула, узнав одноклассницу:

– Ой, Надюха! Это ты что ли? Фу, напугала!

– Прости, я не хотела, – та подошла ближе, и даже в сумерках Тайке удалось разглядеть, что её собеседница сама дрожит от страха, как заячий хвост.

Надюха была типичной серой мышкой, которая, наверное, есть в каждом классе. Сидела на задней парте и вечно витала в облаках. Училась средне: не очень-то старалась, но и не слишком бездельничала, и никогда не заговаривала первой. На переменках она в основном читала: то Стивена Кинга, то Лавкрафта. Другие ребята относились к ней ни хорошо, ни плохо – никак. Чаще всего просто не замечали и забывали позвать, если куда-то шли вместе. Пару лет они с Тайкой просидели за одной партой, потому что учительница так решила. Тогда-то Тайка и заметила, что Надюха не просто так в облаках витает, а стихи пишет и рассказы какие-то строчит, только никому не показывает. Стесняется. Тайка пробовала почитать через плечо – там даже интересно было: про мир-за-туманами, где крылатые люди сражались со всякими монстрами. Только Надюха заметила и захлопнула тетрадку. Мол, фигня это всё, не настоящие сказки, а так, пописульки дурацкие. Так и не довелось Тайке узнать, чем закончился рассказ. А жаль...

– Эй, ты чего это за мной крадёшься? – Она знала: у Надюхи лучше спрашивать прямо, врать одноклассница совсем не умела.

Та, оглядевшись по сторонам, понизила голос до шёпота:

– Извини... Мне просто страшно было одной идти домой. Темно ведь уже. А навязываться как-то неловко. Вот я и подумала – дождусь, пока ты из библиотеки выйдешь, и пойду за тобой следом. Все говорят, ты ведьма. Значит, с тобой безопасно.

– Погоди, ты темноты боишься, что ли? – Тайка невольно улыбнулась.

Нет, в детстве она и сама, бывало, тряслась ночами от страха – особенно если перед этим начиталась каких-нибудь ужастиков. Когда бабушка гасила свет, всегда под одеяло с головой пряталась и следила ещё, чтобы ни пятка, ни коленка наружу не торчали. Но сейчас-то они взрослые, уже вон школу заканчивают...

– Ну, не то чтобы сильно, – Надюха нервно дёрнула плечом. – Просто в последнее время мне кажется, что за мной кто-то следит из темноты. Будто топает за спиной или дышит в ухо. А в кустах огоньки светятся – словно чьи-то глаза. Вчера шла – под ногой ветка хрустнула. Так я от ужаса всю дорогу до дома бежала, не оглядываясь. Думала, сердце из груди выпрыгнет.

– Хм... и давно с тобой такое?

– Не очень. Помнишь, я в прошлом месяце пару по истории получила и на окне в гардеробе сидела, домой не хотела идти? Вот примерно с того дня и началось...

Тайка почесала в затылке. Вообще похоже было на шуточки кого-то из невидимых соседей. Кто там умеет страхи на людей насыпать? Точно не мары – те обычно во сне людей пугают. Может быть, ырки? Нет, вряд ли. Этих тварей ещё далеко в полях можно встретить, а дальше пролеска их Гринька не пустит. В деревню же ыркам и подавно ходу нет. Значит, шишига – больше некому.

– Хватайся за меня, – Тайка предложила подруге руку. – Пойдём вместе. Вот увидишь, сейчас все страхи развеются, как миленькие.

С шишигами у неё разговор был короткий: всего-то нужно фигу в кармане сложить и сказать: *«Ночь настала – ну и пусть. Ничего я не боюсь. Вслух считаю: раз, два, три – страх обратно заberi»*. Она заставила Надюху повторить считалочку слово в слово. Та сперва не поверила, подумала, что это шутка какая-то, но всё-таки Тайка её уболтала.

– Вот видишь, – она ободряюще улыбнулась, когда Надюха закончила говорить, – это просто. Шишиги сами очень трусливые создания. Предпочитают побыстрее унести ноги, когда понимают, что их никто не боится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.